

НАРОДНАЯ УКРАИНСКАЯ АКАДЕМИЯ

Елена Зеленина

Тайна старинной фотографии

Семейная сага

Харьков
Издательство НУА
2018

УДК 929.52
3-48

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Харьковского гуманитарного университета
«Народная украинская академия».
Протокол № 2 от 24.09.2018*

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *В. И. Астахова* (Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия»);

канд. ист. наук, проф. *С. М. Куделко* (Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина);

д-р социол. наук, проф. *Е. Г. Михайлева*. (Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия»);

д-р. ист. наук, проф. *Румяна Михнева* (Варненский свободный университет им. Черноризца Храбра, Республика Болгария).

Дизайнер обложки *Олеся Скачко*

«Таємниця старовинної фотографії. Родинна сага» – спроба узагальнити, художньо осмислити і по можливості підтвердити документами, свідченнями і різноманітними джерелами сімейні перекази, що передаються в родині з покоління в покоління.

В історії однієї сім'ї, яка об'єднала декілька надзвичайно яскравих родоводів, постає історія Російської імперії, післяреволюційної (1917 року) еміграції, СРСР, Середньої Азії та України.

Автор – член Національної спілки журналістів України, журналіст медіакомпанії «Время» Олена Зеленина живе і працює в Харкові.

ISBN 978-966-2298-08-9

© Народная украинская академия, 2018
© Зеленина Е. Л., 2018

Содержание

I. Моя Первая мировая война	9
Вера – хирургическая сестра милосердия	11
Вторые после Смольного	12
Добровольно и безвозмездно	18
Роза за поясом	21
Дядя Петя – «узник» Александрии	24
Восстание из пепла	24
Атака мертвецов	28
«Саратов» отплывает в неизвестность	31
На чужбине	39
Школа за колючей проволокой. Из дневника	
П.Я. Добрыни-Конюхова	42
«Много счастья и пиастров!»	59
«Desinteria phylologica», или «... он не был даже	
коммерсантом»	61
Архив Емельянова	64
«Венок из слов...»	66
Библиотека таинственной «графини с немецкой фамилией» ...	72
Следы ведут в Каир	76
Григорий – Георгиевское оружие с надписью «За храбрость»	80
Офицер по первому разряду	81
«Штыковым ударом опрокинул врага...»	82
Бой у села Гринява	85
Раскол офицерства	89
Дорогами Петлюры	92
«Просто растает снег...»	97
Любовь и разлука	99
Леонид, «пропавший в Пинских болотах»	102
Вольноопределяющийся восемнадцати лет	104
В «польском мешке»	106
«Пехота армии ходила босая...»	107
Леонид – брат Леонида	111
II. По следам далеких предков	114
Дума про казака Чигирика	114
Чигиринский заговор	116

Представитель «настоящего демоса»	119
О земле, социальной справедливости и автономии	122
Украинская фракция: рядом с Михаилом Грушевским и Иваном Франко	129
«Ой, не знав козак...»	131
О чем клеочут аисты?	135
«Династия, которая защищала обездоленных» (Из воспоминаний учителя Боровицкой школы Никиты Никитовича Токовенко)	136
Избежать расстрела	145
В поисках клада Добрыни	148
Бесценное наследство	149
Преданья старины глубокой... ..	153
Яков Добрыня как родовое имя?	162
Шумел сурово Брянский лес... ..	168
Святые, преподобные... ..	172
Боярские дети Городни и царь Грозный	174
Конюшенный приказ	174
Секрет семейных «грамот времен Ивана Грозного». Разгадка? (Попытка историко-логической реконструкции)	177
«С презрением относясь к петровской бюрократии...» (к вопросу о дворянстве)	182
Три брата и сестра	189
В гостях у предков. Чернигов – Городня – Невкля	191
В сказочном Чернигове	192
Якорь надежды на алом фоне	196
«Утоли моя печали»	199
Невкля – непреклонная?	203
«Да вы ж не там искали!»	207
III. Вятское сказание. Семь «я»	209
Хлынов, Вятка... ..	210
Фотография на память	212
Питие и бытие	214
Как Петр Зеленин свое дело открыл	218
«Запасный писарь» Камешницкой волости	223

«На тебя, Господи, уповаем, да не постыдимся вовеки...» ...	224
Маруся и орловские Бажи(ны)	229
Иннокентий. Дивизия специального назначения	233
Когда выпадает «дальняя дорога»	238
Интерлюдия. Карпаты.	242
Ради нескольких строчек в газете	244
Школа повышенного типа	245
Синий лен	246
«Акулы пера» 30-х годов	250
У Шолохова в Дарьинском	256
С блокнотом на Курской дуге	257
«Пока фонарь не укажет тебе путь...»	260
«Немає, померла...»	262
Легенды психологии	264
«Та листи тогочасної провладної інтелігенції...»	269
Махачкала. Оттепель	273
На «гриновских» улочках	273
Театрально-литературный дивертисмент	276
Среди живых классиков	279
Иллюзия и дорога	281
Приложение	285
Леонид Зеленин. Письма к дочери	285
IV. Моя туркестанская история	301
Сочинение по картине Верещагина	302
Венгерская кампания	306
«Бесподобный матерщинник...»	308
«Пусть войдут»	312
Назаров, Верещагин, фон Штемпель и... Борис Васильев ...	313
Интерлюдия. Правило рукопожатий	318
Самарканд в огне	319
Интерлюдия. Николай – внук Каразина	320
И беснование Англии	322
Пирамиды отрезанных голов	324
Тверская родословная: Назаровы и князья Енгальчевы	326
Без лести предан... ..	330
Дерзкая девчонка Сары	332

Во «дворце уруса»	337
Под звездами Балканскими	341
Зарево над Зараево	342
Сражение при Мечке и Трестенике	345
Интерлюдия. Александр Семенович Гурьев – однопольчанин	347
Женщина-бай	349
Красные крестины	353
Сахиб – острый язык	353
Приемыш из Ташлака	355
Ординарец «кызыл генерала»	357
Выстрелы на площади	360
Как Камал стал Бехбуди	363
Там зори были тихими... ..	369
Хлеб для старшего сына	370
Ворошиловский стрелок	371
Добро пожаловать в «мясорубку»... ..	373
Комбат и Кнопочка	375
Командир женского гарнизона	377
«Не сентиментальная история, а жестокая... ..»	379
Особое задание	380
Воспитание офицера	383
Выбор судьбы... ..	386
А на нейтральной полосе цветы... ..	388
Вместо эпилога	392

От автора

О чем эта книга? О том, что мы – всего лишь тонкие веточки на кроне древа, обдуваемого ветрами истории, а держат нас – корни.

С самого рождения уникального частного учебно-образовательного комплекса «Народная украинская академия» (НУА, Харьков. Украина) здесь проводится конкурс «История моей семьи», в котором участвуют и школьники, и студенты, и преподаватели. Когда в НУА учились мои дети – сын Тимур и дочь Олеся – они участвовали в этом конкурсе и даже получали призы.

Это прекрасная возможность, пока живы родители, бабушки и дедушки, расспросить их, записать их рассказы о семейной истории, потому что время бежит стремительно и вместе со временем уходит наша память. Сохранить ее для потомков семьи, которая объединяет фамилии Добрыня-Конюховых, Назаровых, Маруфий и Зелениных – всего лишь частная задача этой книги, жанр которой можно определить как семейную сагу.

Но не только. Оказывается, что обычным людям в истории тоже предназначены свои романтические, героические и трагические роли. История страны, отражается в истории каждой семьи, нужно только захотеть узнать об этом.

Ведь все главное в нашей жизни – из нашей семьи, а главное в каждой семье – ее история и культура. А история и культура – это судьба.

А еще, как выразился мой сын Тимур, когда мы изучаем жизнь своих предков и историю своей семьи, мы лучше узнаем и понимаем самих себя. Родовая история – это способ учиться у тех, кого больше нет с нами.

Автор благодарит доктора исторических наук, профессора, академика Академии наук Высшей школы Украины, почетного гражданина Харькова Валентину Илларионовну Астахову и Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия» за поддержку в издании этой книги.

Автор также благодарит историков Валентина Юшко и Константина Пахалюка (Москва, Россия), Сергея Шишкина (Киров, Россия), директора Кировской ордена Почёта государственной универсальной областной научной библиотеки им. А. И. Герцена Надежду Гурьянову (Киров, Россия), журналиста Ажу Абдурахманову (Республика Дагестан, Махачкала, Россия); заведующую Музеем Николая Лысенко Роксану Скорульскую (Киев, Украина), директора Городнянского историко-краеведческого музея Ольгу Смаль (Черниговская область, Украина), председателя Моложавского сельского совета Людмилу Куцюю и библиотекаря Светлану Карпенко (Черниговская область, Украина), директора Боровицкой общеобразовательной школы Виктора Наконечнюка и педагога этой же школы Людмилу Збаражскую, а также мою троюродную сестру Надежду Щирицю (Черкасская область, Украина) за посильную и во многом неопределимую помощь в поиске необходимых материалов для этой книги.

I. Моя Первая мировая война

Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.
Животворящая святыня!
Без них наш тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без божества.

Александр Пушкин

Киев. Вид на Международный центр культуры и искусств – бывший Императорский институт благородных девиц (2012)

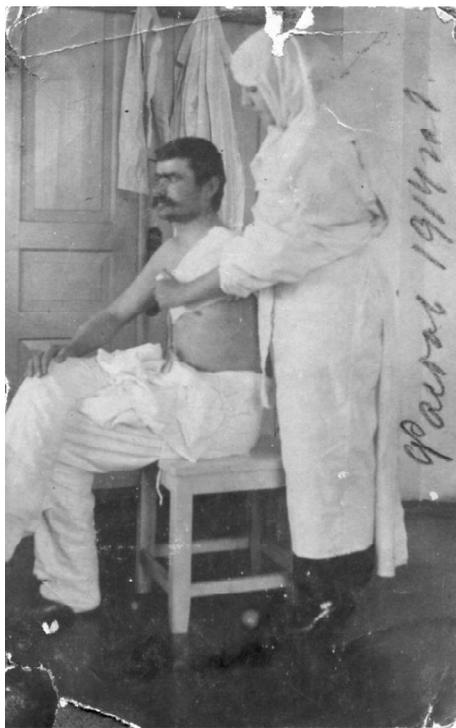
Эти записки были начаты в 2014 году к 100-летию Первой мировой войны. Четыре человека в моем роду были ее непосредственными участниками. Это моя бабушка – Вера Яковлевна Добрыня-Конюхова, выпускница Киевского императорского института благородных девиц, хирургическая сестра милосердия; это мой двоюродный дед (бабушкин брат) – Петр Яковлевич Добрыня-Конюхов, ученый-химик, старшина; это мой дед – Григорий Евменьевич Чигирик, офицер, награжденный Георгиевским оружием с надписью «За храбрость»; это мой дядя (самый старший брат моего отца) Леонид Петрович Зеленин, молодой вольноопределяющийся боец.

Так получилось, что никого из них, я не знала лично. Все они разлетелись по свету и давно обратились в прах, оставшись лишь ярким семейным воспоминанием.

Я посвящаю свои записки всем героям Первой мировой войны, всем потерянным предкам, которые канули безвестно в истории минувшего столетия, наполненном для нашего Отечества столь драматическими и неоднозначными событиями.

В наш век традиционные общества разрывают новые политические и социальные конфликты, а вооруженные противостояния, террористические атаки и геополитические страсти пытаются сломать миропорядок. И я пишу эти записки во имя осознания того, что в истории и в моем роду были люди, для которых любовь к родной культуре, верность данному слову, совсем иное понимание жизненных приоритетов, чем навязываемые ныне, были не пустым звуком, а сутью существования. И это придает сил, позволяет сохранять достоинство, а главное – вглядываться в грядущее не только с тревогой, но и с надеждой.

Вера – хирургическая сестра милосердия

*Вера Добрыня-Конюхова в перевязочной,
Фастовский лазарет (1914)*

1911 год. В ярко освещенном парадном зале Киевского императорского института благородных девиц на сияющем паркете выстроились воспитанницы во главе с классными дамами. Парадный сбор был объявлен по случаю визита в Киев государя императора Николая II. Посещение института, опекаемого его супругой – императрицей Александрой Федоровной, непременная часть протокола.

И вот входит государь в сопровождении своей свиты и директрисы института. Он приветствует девочек, произносит краткую напутственную речь, затем, мило улыбаясь, важно шествует вдоль рядов воспитанниц к выходу.

И вдруг, совершенно неожиданно, у него отрывается... штрипка – тесьма, натягивающая концы брюк. Штрипка, словно тоненькое крылышко, весело то взлетает вверх, то опускается вниз при каждом шаге императора. В зале воцаряется такая тишина, что кажется, будто все присутствующие прекратили даже дышать. Девы смущенно опускали взор, лица чопорных классных дам окаменели. И когда, наконец, за императором закрылась дверь, все, включая классных дам, чуть ли не попадали на пол в приступе дружного искреннего хохота.

Мораль моей бабушки: что главное в жизни? Выдержка!

– Учитесь сдерживать себя, мадмуазель! Демонстрировать свои чувства – не комильфо, – учили воспитанниц с раннего детства умению держать себя в обществе.

Киевский институт благородных девиц – нечто среднее между гимназией и вузом. Его воспитанницы получали превосходное образование и право на должность воспитательниц дворянских и купеческих детей.

В 1838–1842 годах для этого учебного заведения по проекту выдающегося архитектора Беретти было построено одно из красивейших зданий в Киеве. Оно сильно пострадало в годы Второй мировой войны, но было восстановлено в прежнем виде и до недавнего времени называлось Октябрьский дворец культуры – ныне Международный центр культуры и искусств.

Здесь с 1908 по 1914 год училась моя бабушка по материнской линии – Вера Яковлевна Добрыня-Конюхова (1896–1949).

Вторые после Смольного...

В институт, согласно его уставу, принимали девушек дворянского (благородного) происхождения для обучения за казенный счет, а с 1852 года – и дочерей почетных граждан и купцов I-й гильдии, которые учились за собственные средства.

Плата за год обучения на начало XX века составляла 350 руб. серебром. Родители или родственники абитуриентки должны были подать в приемную комиссию целый ряд документов: прошение на имя директрисы, свидетельство о дворянстве и крещении, о состоянии здоровья, прививке от оспы, сведения о полученном начальном образовании, а также письменное обязательство относительно своевременной платы за обучение.

Принимали в институт девочек возрастом от 8 до 13,5 лет. Полный курс обучения продолжался шесть, а с подготовительным классом – семь лет. Курс обучения распределялся на три класса, в каждом учились по два года.

День начинался для девочек в 6 часов утра с молитвы. Затем завтрак и два полуторачасовых урока, затем – обед, краткий отдых и снова уроки. После полдника ученицы готовились к занятиям, в 21 час ужинали, затем вечерняя молитва и в 22 часа ложились спать.

В институте обязательно преподавали Закон Божий – для девочек православного и католического вероисповедания (многие воспитанницы происходили из семей польской шляхты). Причем, присутствовать на долгих православных богослужениях было обязанностью всех воспитанниц и воспитательниц, независимо от их вероисповедания. Добрейший институтский преподаватель Закона Божьего – отец Федор, ссылаясь на евангельское «Всякое дыхание да хвалит Господа!», объяснил, что Бог един и девицы во время службы могут мысленно молиться каждая по своему канону.

Девочки обязательно изучали: языки – классические (латинский и древнегреческий), немецкий, французский; русский язык и литературу, историю и географию, арифметику, получали начальные знания по физике и минералогии; а также осваивали рисование и каллиграфию, музыку, вокал, танцы, рукоделие, ведение домашнего хозяйства.

Общаться между собой, а также с преподавателями, наставниками и классными дамами в стенах института разрешалось на французском и немецком языках, поочередно – день немецкий\день французский – в зависимости от чередования дежурств классных дам – немки и француженок. Так обучали разговорной иностранной речи, за «разговорчики» на русском языке следовало наказание.

Все девицы, поступающие в институт, сдавали вступительные экзамены и в зависимости от уровня знаний распределялись по классам.

Фото Веры Добрыни из удостоверения воспитанницы Киевского императорского института благородных девиц, 1910-е гг. XX века.

Для перевода в старший класс необходимо было сдать экзамены – по Катехизису и Священной истории, грамматике, по двум вышеназванным иностранным языкам; нужно было уметь свободно общаться на них; владеть четырьмя арифметическими действиями с целыми числами и дробью, иметь общие понятия о географии, истории, знать сжатые характеристики всех частей света, а также государств Европы, отвечать на вопросы по истории Древнего мира и минералогии.

В третьем, последнем классе, занятия проводили профессора Киевского императорского университета Святого Владимира, в первом и втором классах – лучшие преподаватели киевских гимназий. Среди них были известные ученые: Н. Бунге, В. Шульгин, Н. Костомаров.

Музыкальные занятия вел Николай Витальевич Лысенко. Кстати, за уроки музыки и пения вносилась дополнительная плата в размере 30 рублей в год.

Киевский институт благородных девиц считался лучшим провинциальным учебным заведением такого рода, а в общеимперском рейтинге котировался сразу же после Смольного, опережая аналогичный институт в Москве. Это заведение было настолько престижным, что количество желающих учиться в нем значительно превосходило возможности института.

Ученицы института не носили громких фамилий столичной аристократии, но среди них были представительницы известных фамилий Терещенко, Драгомирецкие, Семиградовы, Тарновские, Сваричевские, даже потомки последнего крымского хана – Шагин-Гирея.

Все, кто бывал в киевском Владимирском соборе, не забудет утонченное, бледное, с громадными темными глазами личико Ольги Нестеровой, киевской институтки и дочери знаменитого художника, расписавшего собор уникальными фресками. Говорят, именно Ольга позировала отцу при написании ангелов, а также св. Екатерины, св. Варвары и св. Нины.

Подробнее о том, как жили киевские институтки в начале минувшего века, можно прочесть в изданных на украинском языке воспоминаниях легендарной писательницы Наталены Королевой «Без коріння» (Дрогобич: ВФ «Відродження», 2007).

Наталена – дочь испанской аристократки и графа Дунина-Борковского – представителя известного украинского аристократического рода, который отдал дочь в Киевский институт на воспитание.

В быту условия жизни институток являли собой смесь роскоши и отсутствия комфорта – пища вроде бы и богатая (всем надоевший печеночный паштет по четвергам), но нездоровая и не особо полезная для молодых растущих организмов.

Ученицы носили форменные платья определённого цвета: в младшем возрасте – кофейного, во втором – темно-синего, в третьем – голубого, в старшем возрасте – белого. Коричневый цвет символизировал близость к земле, и был, собственно, более практичен для младших. Более светлые расцветки символизировали образованность и аккуратность. Ученицам выдавались булавки, гребешки, шпильки, пудра и перчатки – три пары кожаных перчаток в год и одна пара белых лайковых на три года для балов.

Форма была пошита из твердой и тяжелой камлотовой ткани (шерсть с добавлением шелковых нитей), но какой-то начальнице в незапамятные времена пришла идея сделать эту форму декольтированной – «плечи должны выступать на 2 сантиметра». Поэтому полагалась еще батистовая пелеринка, абсолютно не защищавшая от сквозняков во время обязательного и регулярного проветривания, «подходящего для юга Франции, но не для липких киевских туманов».

Прогулки – только всем классом, строем, именуемом «гусеницей».

Девниц обязательно сопровождали классная дама, швейцар и «девушки-кариатиды» из институтской obsługi.

Эта процессия чинно двигалась по киевским улицам под крик уличных мальчишек: «Институтки, словно утки!».

«Кариатиды» нужны были для того, чтобы сопровождать на обратном пути «внезапно потерявшую сознание воспитанницу – а обмороки принадлежали тогда к хорошему тону». (Естественно, «обмороки» преимущественно случались с теми девушками, которым такая прогулка казалась невыносимо скучной и которые предпочли бы выспаться и отдохнуть от постоянного надзора).

Во время одной из прогулок случилось происшествие, долго забавлявшее девушек и о котором написала Наталена Королева в своих воспоминаниях «Без коріння».

Обычный путь прогулочной процессии шел по Липкам, мимо резиденции легендарно знаменитого генерал-губернатора Юго-Западного края, генерала Драгомирова, «он был царским наместником, но часто вел себя как самовластный гетман (его, кстати, увековечил Репин на популярной картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»). Да и по натуре он был истинным запорожцем. Так вот, этот запорожец-генерал попросил институток здороваться с ним на военный лад, «сделав фронт» по-военному. Этот приказ застал институтский персонал врасплох. Девушек, конечно, учили танцевать, двигаться, делать реверансы, кланяться – причем учила их этому искусству профессиональная балерина, бывшая звезда (опять-таки, по уверениям врачей, куда полезнее была бы обычная физкультура), но как здороваться по-военному, не знала ни она, ни кто-либо из институтских преподавателей.

Пришлось призвать на помощь руководителя хозяйственной части, отставного полковника кирасирского полка Артура Унгерн-Штернберга. Общими усилиями под команды: «Здравия желаю, девицы! Смирррна-а-а! Р-р-равнение направо-о-о! Правое плечо в-пере-о-од!», – девушек вымуштровали до такой стадии, что польщенный Драгомиров распорядился прислать им по бонбоньерке самых лучших конфет – «Не по чарке водки же им предлагать за усердие!».

А какая же институтка – выпускница Института благородных девиц и не медиум? В начале минувшего века наступила мода на все мистическое и потустороннее. Пример подавала императрица, которая жизни

не мыслила без личного «колдуна» – Григория Распутина. Старались и «глянцевые» журналы того времени, описывая таинственные опыты, эзотерические учения, загробную жизнь и спиритизм. В уважаемых гостиных публика собиралась теперь не на вечера романсов, а на гипнотические и спиритические сеансы.

Когда наступала ночь и в роскошном здании института, наконец, воцарялась звенящая тишина, старшие девочки, дождавшись, когда в комнате дежурной классной дамы погаснет свет, зажигали в темном дортуаре свечи, раскладывали бумажный круг с буквами и вызывали духов. Дух Лермонтова, например...

Бабушка Вера, по словам мамы, видимо, обладала медиумными способностями, которые выражались в умении виртуозно общаться со странными представителями загробного мира. Разгоряченное блюдце по бумажному кругу от буквы к букве несло, аж подпрыгивая. Духи почему-то являлись сердитые и часто ругались, употребляя непечатные выражения.

Мама всю жизнь вспоминала, как они с бабушкой в начале 30-х годов, живя в далеком селе в Полтавской области, коротали вечера за спиритическими сеансами. Один раз к ним явился «некто», чтобы тут же уйти:

– Ухожу, ухожу, ухожу! Много крови в Сицилии...

Газеты в село приходили с большим опозданием, а когда пришли – бабушка была потрясена новостью. Именно в этот вечер в июле 1930 года произошло сильнейшее землетрясение в итальянской области Кампания (Южная Италия, старинное название – Королевство обеих Сицилий) с многочисленными человеческими жертвами.

С точки зрения материалистического понимания мира подобное невозможно было объяснить.

Выпускницы-отличницы получали золотой или серебряный шифр в виде вензеля царствующей императрицы. Успешно справившихся с экзаменами учениц ждал еще один обязательный обряд – посещение Лаврских пещер, Братского и Выдубецкого монастырей и знаменитого Межигорского Спаса.

Добровольно и безвозмездно

Моя бабушка Вера окончила Киевский императорский институт благородных девиц с серебряным шифром и мечтала стать врачом. Судя по рассказам мамы, она стремилась получить дальнейшее образование

Вера Добрыня-Конюхова, Фастовский лазарет (1916)

во Львовском университете на медицинском факультете. Почему именно во Львовском?

Будто бы потому, что это был европейский университет, куда свободно принимали девушек. Но это не совсем корректное объяснение, потому как Высшие врачебные курсы для девиц были открыты при медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге еще в 1872 году. В начале XX века Женский медицинский институт уже был в Киеве, девушки также допускались к занятиям на медицинские факультеты университетов.

Думаю, что, как это часто бывает среди молодежи, кто-то из выпускниц Института благородных девиц уже учился во Львовском университете, поделился своими восторженными отзывами и эта добрая слава распространялась среди воспитанниц. Тем более, что в первой половине XX века во Львове (находившемся под властью империи австрийской династии Габсбургов) преподавали медицину выходцы из университетов Кракова, Вены, Гейдельберга и других ведущих европейских научно-медицинских школ.

Когда грянула Первая мировая война, о поездке на учебу во Львов, на австро-венгерскую территорию, уже не могло быть и речи. Подобно многим девушкам из дворянских семей, моя бабушка добровольно отправилась ухаживать за ранеными, дабы безвозмездно послужить своему Отечеству.

Патриотический порыв среди женщин был необычайно велик. Пример подавала императрица Александра Федоровна, одна из руководителей Российского общества Красного Креста и Общин сестер милосердия.

Она приняла самое активное участие в организации дополнительных военных лазаретов и госпиталей, фронтовых медицинских учреждений и всей инфраструктуры, обеспечивающей спасение и излечение раненых воинов: от оперативных передвижных санитарных военных отрядов до самых современных по тому времени санитарных поездов, судов и автомобильных служб.

Под опекой императрицы и великих княжон было 85 военных госпиталей и 10 санитарных поездов. Были устроены санитарные пункты для изготовления перевязочного материала и медицинских пакетов, где бок о бок работали женщины разных сословий – от светлейших княгинь,

Фастовский лазарет (1915)

жен, сестер и дочерей военачальников, до жен и дочерей рабочих, ушедших на фронт.

Веру Добрыню приняли в хирургическое отделение в лазарет для раненых и больных воинов в Фастове.

Местечко Фастов находится под Киевом. В начале минувшего века – волостной центр Фастовской волости Васильковского уезда Киевской губернии и крупный железнодорожный узел. На станцию Фастов один за другим прибывали эшелоны с ранеными.

Хирургическая сестра милосердия – самое тяжелое занятие в медицине, особенно, если речь идет о вчерашней ученице и совсем юном создании. Как любая операционная сестра, Вера ассис-

тировала хирургу, подавая инструменты, вату и бинты, уносила ампутированные ноги и руки, перевязывала гангренозные раны, научилась быстро менять постели, не беспокоя больных. И, конечно же, утешала:

– Потерпи, голубчик!

Из дневника великой княжны Татьяны Николаевны, запись от 3 мая 1916 года:

«Поехала в лазарет. Перевязала Александрова, рана мочевого пузыря; после операции Кужакова 176-го Переволоченского полка, разрыв кисти и предплечья, Высоцкого 289-го Коротоярского полка, перелом нижней челюсти, Панькина 310-го Шатского полка, рана правого глаза, Артюхова 289-го Корот. полка, перелом черепа, Суржака 12-го стрелкового полка, рана левой челюсти...».

Страшное зрелище человеческих страданий и увечий! «Они не играли в сестер, как это мне приходилось потом неоднократно видеть у многих светских дам, а именно были ими в лучшем значении этого

слова», – так об августейших сестрах милосердия отзывалась выдающаяся женщина-хирург царской России Вера Игнатьевна Гедройц.

В семье чудом сохранился уникальный документ – блестящая характеристика, данная сестре милосердия Вере Добрыне: «принявши на себя добровольно и безвозмездно обязанности сестры милосердия в Фастовском лазарете для раненых и больных воинов, при отличном поведении ревностно исполняла обязанности сестры милосердия и таковую работала при операционной и перевязочной. В чем подписью и приложением именной печати удостоверяю 1916 года 24 мая, м. Фастов Киевской губернии Васильковского уезда, бывший главный врач лазарета, старший советник Василий Осипович Дацков».

Есть в семейном альбоме и несколько бабушкиных фотографий периода работы в Фастовском лазарете.

Интересно, вот этот человек в белом халате и с очень усталым лицом справа от бабушки – не тот ли доктор Василий Осипович Дацков? Или, вероятно, это хирург, которому она ассистировала?

Роза за поясом

В 1915 году в лазарете лечился человек, вошедший в семейную историю как загадочный «граф». Молодой человек ухаживал за бабушкой, а высокой статью, типом лица и массивным подбородком он похож на легендарного героя Первой мировой войны, графа Федора Артуровича Келлера по прозвищу «Первая шашка России». Но по возрасту мог быть ему лишь сыном или младшим родственником. Кто он на самом деле и как его имя, увы, моя мама уже не помнила. А бабушки давно не было в живых. Впрочем, кто-то из историков может быть опознает его по старинной фотографии? Судя по внешнему сходству и графскому званию, я могу лишь догадываться, что этот молодой человек предположительно мог принадлежать к ветвистому роду Келлеров.

Фастов – провинциальное местечко, но, как уже упоминалось, большая станция. Здесь Вера Добрыня стала свидетельницей того, как на первую платформу прибыл поезд, с которого на перрон сошли прогуляться царские дочери – августейшие сестры милосердия Татьяна и Ольга. Об этом сохранилось устное семейное предание. А я нашла еще и документальное подтверждение!

*Вера Яковлевна и загадочный «граф»
(1916)*

Действительно, в мае 1916 года императрица вместе с принцессами Татьяной и Ольгой на несколько дней прервала свою медицинскую деятельность в Царском селе и отправилась из Ставки по маршруту Киев – Винница – Одесса – Севастополь. Это было сделано, по просьбе императора Николая II, для подъема морального духа армии и тыла в дни Брусиловского прорыва.

В дневниках великой княжны Татьяны Николаевны я не нашла упоминания об остановке в Фастове. Зато она пишет о Виннице, где августейшие сестры посетили громадный лазарет – около 1000 раненых в 40 бараках! Оцените масштаб.

В Фастове, по всей видимости, поезд остановился проездом из

Киева на юг. И уже не первое поколение женщин нашего рода хранит в памяти образец утонченного вкуса девушек императорской фамилии. Принцессы позволили себе в походных условиях носить розу за поясом строгого платья сестры милосердия.

Женщина и на войне остается женщиной! Особенно, если она – великая княжна...

Из журнала «Война» (№ 47, 1915): «Подвиги русских женщин, с самоотвержением и безграничную христианскою любовью следовавших за своими мужьями и братьями на поля сражений, давно и прекрасно описаны в книгах. И в Отечественную войну 1812 года, когда на нас шли французы, и в тяжелую Севастопольскую кампанию в Крыму, и в последние русско-турецкую и японскую войны, русские женщины и девушки проявили необыкновенную высоту духа. Недаром название «сестра милосердия» стало таким близким и дорогим каждому русскому

человеку. В эту кровопролитную, тяжелую войну наши сестры милосердия работают, не покладая рук, иногда под почти непрерывным неприятельским огнем, без отдыха, без пищи, по несколько часов кряду. Англичане прославились своим хладнокровием и спокойствием, но вот что пишет одна англичанка, работавшая сестрою милосердия в летучем отряде русского Красного Креста. «Я изумляюсь удивительному спокойствию и деловитости русских. Им положительно чуждо чувство паники. Мне ужасно нравится их манера обращаться за помощью или содействием во всевозможные минуты жизни. На улице, в госпитале, всюду, раз вы одеты «сестрою», – они просто и доверчиво останавливают вас, заговаривают с вами, просят прочесть им что-нибудь, написать письмо или адрес на конверте поберечь или отправить по адресу деньги. Платье сестры дает вам полную возможность быть полезной и нужной».

Причина такого отношение к сестре милосердия, несомненно, кроется в её сердечном, глубоко-любовном отношении к солдату. «Я никогда в жизни, – пишет та же англичанка, – не забуду тех трогательных сцен, что мне пришлось видеть в госпиталях, того удивительно глубокого сочувствия этих славных людей к их раненым»...

Работа сестры милосердия очень тяжелая.

– С-кий полк сражался от нас верстах в десяти, – рассказывает одна из сестер. – Когда привезли раненых прямо с позиций, Господи, что тут было! Работали до двух часов ночи. Тут же сейчас на глазах умерло три человека. Слава Богу, что здесь же был батюшка. Успели дать глухую исповедь и всех приобщить. Утром еще поработали... А раненые идут и идут...»

В 1915 году в одном из журналов было опубликовано самодеятельное стихотворение одного из раненых офицеров Николая Николаева «Сестра»:

*Тихая, нежная... Скорбные тени
В кротких очах глубоко залегли...
Хочется встать пред тобой на колени
И поклониться тебе до земли.*

Дядя Петя – «узник» Александрии

Петр Яковлевич Добрыня-Конюхов, Александрия (1926)

...Фотография была такой маленькой и такой туманно-желтой, что лица изображенного на ней человека было почти не различить. Когда я ее разглядывала в старом альбоме, мама говорила: «Это дядя Петя. Он жил в Египте. И работал в знаменитой Александрийской библиотеке».

Дядя Петя – Петр Яковлевич Добрыня-Конюхов, родной брат моей бабушки Веры, стало быть, дядя моей матери и мой двоюродный дед.

Восстание из пепла...

Это странно, это похоже на мистику! Мама ушла в 2009 году на 91-м году жизни. А через несколько месяцев в один тихий февральский воскресный вечер, когда все труды были завершены и можно было забросить профессиональное блуждание по всемирной паутине, я выключила компьютер и стала бездумно кликать по кнопкам телепульта. Мелькавшее на экране меня не вдохновило, я с досадой выключила телевизор. В комнате воцарилась густая тишина зимнего вечера, над диваном сумеречно мерцал свет тонкой люминесцентной лампы.

И в этой тишине я почему-то вспомнила мамины слова: «дядя Петя работал в знаменитой Александрийской библиотеке».

Кроме этой фразы: «жил в Египте и работал в Александрийской библиотеке», – мы о нем не знали ничего. Последний раз моя бабушка Вера видела его перед тем, как дядя Петя ушел на Первую мировую войну. Потом пришла эта фотография из египетской Александрии. И с тех пор о нем в семье больше не слышали.

Тут словно кто-то вытолкнул меня из уютного дивана. Быстро вновь включаю компьютер и запрашиваю в поисковике «Александрийская библиотека». Раз он там работал, думаю, может быть, на сайте есть история библиотеки с упоминанием сотрудников?

Далее пришлось от души расхохотаться! Мое невежество привело меня к полному разочарованию. Разумеется, еще из курса «Истории Древнего мира» времен учебы в младшей школе я помню, что Александрийская библиотека была разрушена и сожжена в начале нашей эры. Но мне (как и маме, наверное) казалось, что уж спустя столько веков она уж точно вновь возродилась... Ну, хоть какая-то!

Смеялась долго. Библиотека, действительно, восстановлена. Восстала, так сказать, из пепла. Но только, по данным Википедии, случилось это под эгидой ЮНЕСКО относительно недавно – в 2002 году: «В Александрии на месте старой библиотеки была построена современная «Библиотека Александрина», призванная восстановить былое величие и обеспечить свободный доступ к знаниям для всех желающих».

Значит, бабушкин брат не мог в ней работать сто лет тому назад. Тогда что он делал в Александрии? Причем тут библиотека?

Появился азарт, знакомый каждому исследователю. Захотелось, во что бы то ни стало, найти какую-либо информацию.

Я стала планомерно набирать в поисковике фамилию и имя-отчество моего двоюродного деда.

И вот на сайте Генерального консульства российской Федерации в Александрии я нахожу страницу «Русские захоронения в Египте» и там вижу имя Петра Яковлевича Добрыни-Конюхова, скончавшегося в Александрии 3 апреля 1954 года.

В принципе на этом можно было бы и успокоиться. Обнаружить в Сети такие сведения для любого, кто пытается восстановить историю своей семьи, это уже удача.

Но что-то не дает мне покоя, и кто-то (?) ведет меня в дебрях Интернета дальше.

Это, конечно, потрясающе, что имя дяди Пети есть в мартирологе, составленном в русской дипломатической миссии в Египте. Но этого мало. Мне важно знать, как он жил... Меня волнует, что испытывали наши соотечественники, потеряв Родину и связь с ней? Чем жили на чужбине, во что верили? Где затерялись могилы тех, кто в начале XX века составлял цвет и гордость нашего народа?

А это значит, что нужно попытаться найти информацию о том, как жили наши соотечественники в египетской эмиграции того времени. Возможно, об этом есть сведения. Скажем, в русской эмигрантской литературе или мемуарах?

И я расширяю поисковый запрос, набираю: «русская эмиграция в Египте». Первыми поисковик Google выдает новости. И я вижу объявление о том, что 6 марта 2010 года в Доме русского зарубежья в Москве состоится презентация книги историка Г.В. Горячкина «Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте».

Ищу сведения об авторе. Горячкин Геннадий Васильевич – доктор исторических наук, профессор Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В 2000–2005 годах возглавлял Российский центр науки и культуры в Александрии (Египет). Автор множества интереснейших научных исследований о российско-египетских политических, экономических, дипломатических и культурных связях за последние 250 лет.

Так, это же тот, кто мне нужен! В новостной заметке есть и аннотация: «В его новом исследовании «Русская Александрия» значительное место занимает рассказ о влиянии русской культуры, в том числе эмигрантской, на александрийское общество, рассматривается поэзия эмигрантов. Автор также уделяет внимание египетским гастрольям Анны Павловой и Федора Шаляпина. Исследование сопровождается публикацией нескольких десятков иллюстраций, большинство которых публикуется впервые».

Мне сразу захотелось приобрести и почитать эту книгу! Даже, если там про дядю Петю не будет ни слова. Просто для того, чтобы проникнуться духом времени, о котором пишет профессор Г.В. Горячкин.

Шлю электронное письмо знакомому коллеге в Москву, в то время –

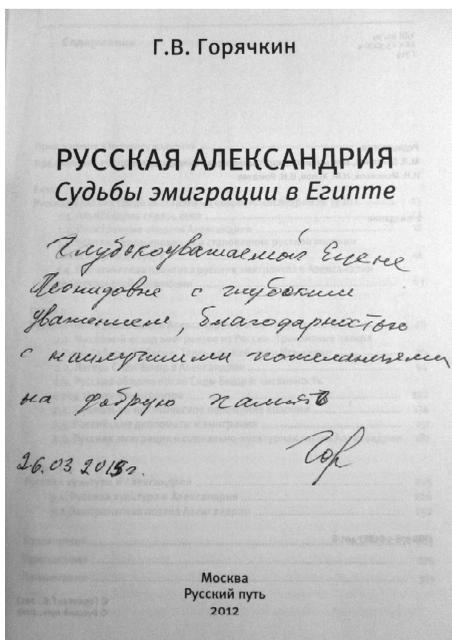
главному редактору журнала «Мужская работа» Бахтиеру Абдуллаеву. Мол, так и так, не хочет ли он сходить на презентацию, тем более, что его редакция в Москве буквально в двух шагах от Дома русского зарубежья?

И в скором времени книга «Русская Александрия» уже была у меня в руках. Бахтиер любезно раздобыл мне ее и прислал в Харьков в подарок к 8 марта. Книжка была с автографом и номером телефона автора – профессора Геннадия Васильевича Горячкина.

Я с нетерпением листаю книгу и с восторгом обнаруживаю, что бабушкин брат Петр Яковлевич Добрыня-Конюхов – один из ее героев. В книге есть несколько эпизодов с его участием. Оказывается, в истории русской эмиграции в Египте Добрыня-Конюхов оставил яркий и неизгладимый след.

Возникло непередаваемое словами ощущение победы над неизвестностью, передо мной словно приоткрылась пелена времени. Это – счастье!

Когда я принялась читать предисловие, мне очень понравилась вот эта мысль автора: «несмотря на то, что Александрия уступает многим точкам русского рассеяния на земном шаре по численности представителей белой эмиграции, она также заслуживает изучения менталитета «своих» белоэмигрантов. Потому что в этом деле нет частных, пока существуют «белые пятна» в исследовании проблем русской эмиграции, даже если они касаются нескольких русских эмигрантов. Как говорится, пришло время собирать камни»...

Второе издание книги «Русская Александрия». Титульный лист с дарственной надписью автора (2012)

Атака мертвецов

Кроме той малюсенькой фотокарточки, где лица дяди Пети было почти не различить, хранилась в нашей семье еще одна. Ею я с детских лет любовалась, и с удовольствием делаю это сейчас. Есть в интеллигентном лице моего двоюродного деда нечто притягательное, отчего я не могу оторвать от него глаз.

*Петр Яковлевич Добрыня-Конюхов
(1915)*

Снимок сделан 31 августа 1915 года. Петр Яковлевич Добрыня-Конюхов в офицерской форме. Скорее всего, он снимался на память близким перед отправкой на фронт. Какой же он здесь молодой и красивый, словно один из обитателей дома на Андреевском спуске – герой романа М. А. Булгакова «Белая гвардия»!

1915-й год. Если углубляться в историю Первой мировой войны, то становится понятно, что это необычная для того времени война. Происходит взрывное развитие и своеобразная битва технологий, революция в военном деле. Первое боевое применение авиации, подводных лодок и больших надводных кораблей, танков и, наконец, ядовитых газов. Диапазон действия отравляющих веществ во время Первой мировой войны распространялся от просто вредоносных, таких, как слезоточивый газ, до смертельно ядовитых, как хлор и фосген. Именно потому, что в Первую мировую впервые стали применяться отравляющие вещества, её также иногда называли «войной химиков».

До сих пор остается уникальным подвиг защитников крепости Осовец. Эта русская опорная крепость, возведённая на реке Бобры

у местечка Осовице (ныне польский город Осовец-Крепость) в 50 километрах от Белостока.

Немцы применили против защитников крепости все новейшие оружейные достижения, включая авиацию. На каждого защитника пришлось несколько тысяч бомб и снарядов, сброшенных с аэропланов и выпущенных из десятков орудий, включавших две знаменитых батареи «Большая Берта» (их русские ухитрились при этом подбить).

Немцы бомбили крепость день и ночь. Месяц за месяцем. Русские защищались под ураганным огнем 190 дней. Их было крайне мало, но на предложения о сдаче всегда следовал один и тот же отрицательный ответ. Тогда немцы развернули против крепости 30 газовых батарей. На русские позиции из тысяч баллонов ударила волна химической атаки. Противогазов не было.

Все живое на территории крепости было отравлено. Почернела и пожухла даже трава. Толстый ядовито-зеленый слой окиси хлора покрыл металлические части орудий и снарядов. Одновременно германцы начали массированный артобстрел. Вслед за ним на штурм русских позиций двинулись свыше 7000 пехотинцев.

6 августа (24 июля по старому стилю) 1915 года, казалось, крепость обречена и уже взята. Густые, многочисленные немецкие цепи подходили все ближе и ближе... И в этот момент из ядовито-зеленого хлорного тумана на них обрушилась... контратака! Русских было чуть больше шестидесяти человек. Остатки 13-й роты 226-го Землянского полка. На каждого контратакующего приходилось больше ста человек противника!

Русские шли в полный рост. В штыковую. Сотрясаясь от кашля, выплевывая, сквозь тряпки, которыми они обмотали лица, куски легких на окровавленные гимнастерки...

Эти воины повергли противника в такой ужас, что немцы, не приняв боя, ринулись назад.

В панике топча друг друга, путаясь и повисая на собственных заграждениях из колючей проволоки. И тут по ним из клубов отравленного тумана ударила, казалось бы, уже мертвая русская артиллерия.

Это сражение войдет в историю под образным названием «Атака мертвецов». В ходе ее несколько десятков полуживых русских воинов обратили в бегство 14 батальонов противника...

Циничное прикрытие варварских приемов войны высокими знаменем Красного Креста в германской армии. Отравитель ядовитыми газами с повязкой Красного Креста.

*Журнал «Природа и люди»,
№ 40, 1915.*

Думаю, что дата фотоснимка, на котором дядя Петя запечатлен в военной форме, не случайна – 31 августа 1915 года. О подвиге русских воинов в крепости Осовец уже стало известно по всему миру, и командование, скорее всего, убедилось, что без участия специалистов-химиков людей не уберечь и эту «битву технологий» не выиграть.

Так вот, дядя Петя был химиком. И не простым. Он окончил химический факультет Киевского императорского университета имени св. Владимира и был любимым учеником профессора Сергея Николаевича Реформатского. К 1915 году молодой химик уже был автором нескольких научных статей и подавал большие надежды в химической науке.

Можно предположить, что на фронт Петр Яковлевич был призван, дабы обучать солдат защищаться от газовых и отравляющих атак противника.

Недавно на сайте «Памяти героев Великой войны 1914–1918» появилась информация о том, что Петр Конюхов-Добрыня был трижды награжден высокими наградами «за отличие в делах против неприятеля» (<https://gwar.mil.ru/heroes/>).

Его фамилия и имя значатся среди призванных из запаса Инженерных войск в саперные батальоны, награжденных 12 октября 1915 года орденом Святого равноапостольного князя Владимира IV степени с мечами и бантом, приказ Его Императорского Величества «в присутствии своем в Бердичеве» (дело «Высочайшие приказы за сентябрь и октябрь 1915 года», РГВИА; фонд – Печатные издания; опись – Печатные издания; № дела 14811; стр. 15).

А также орденом Святой Анны III степени с мечами и бантом («Высочайшие приказы за июнь-август 1915 года», приказ Его Императорского Величества «в присутствии своем в Ставке» 11 июня 1915 года, РГВИА, фонд – Печатные издания; опись – Печатные издания; № 14810, стр. 22).

И еще один орден Святого Станислава III степени с мечами и бантом («Высочайшие приказы за июнь-август 1915 года», приказ Его Императорского Величества «в присутствии своем в Царской Ставке» 16 сентября 1915 года; РГВИА; фонд – Печатные издания; опись – Печатные издания; № дела 14811, стр. 11).

Согласно архивным документам, служил Петр Яковлевич в 5-м саперном батальоне и участвовал в армейских операциях 8-й армии генерала Алексея Брусилова.

«Саратов» отплывает в неизвестность...

Как и почему мой двоюродный дед оказался среди эмигрантов, массовый исход которых произошел в феврале-марте 1920 года после разгрома на юге России Добровольческой армии генерала Деникина, неизвестно.

«К двадцатым числам февраля трагедия Добровольческой армии стала подходить к своему логическому концу. Были один за другим сданы Ростов, Новочеркасск и Екатеринодар, фронт с каждым днём приближался к Новороссийску, – вспоминал в 1940 году в Александрии один из белоэмигрантов Анатолий Львович Марков (А. Л. Марков. Записки о прошлом. 1893–1920)». – Англичане, готовясь к неминуемому концу, сосредоточили в порту целую эскадру военных судов во главе с огромным красавцем дредноутом «Квин Мэри», грозно стоявшим под адмиральским флагом за молот. Каждые три-четыре дня за границу отходили переполненные беженцами транспорты. Командование делало последние героические усилия, чтобы задержать стихийно отступавшую армию на последних рубежах. Но что могли поделать отчаянные воззвания генерала Деникина, когда пьяный генерал Шкуро плясал среди улицы с бутылкой в руках, призывая хватать прохожих женщин, как во времена половецких набегов... Когда Екатеринослав был отдан на поток и разграбление солдатам генералом Корвин-Круковским. Когда

население Харькова столько месяцев подряд имело счастье лицезреть потерявшего от пьянства человеческий облик генерала Май-Маевского. Когда всё население территории Юга России, ограбленное, разорённое и униженное, не могло дожидаться ухода диких озверелых банд, в которые превратились когда-то стройные полки Добровольческой армии. Когда никто не мог быть уверенным, что его не убьют и не ограбят без всякого основания и объяснения?».

Признаюсь, что, перечитывая недавно «Белую гвардию» Михаила Афанасьевича Булгакова, я невольно ставила себя на место героев. А как бы поступила в этих обстоятельствах я? Какая участь ждала бы мою семью? Подумалось: самое сложное в противоречивых исторических обстоятельствах – сделать выбор.

Эти вопросы с особой остротой волнуют вновь, когда новые глобальные перемены надвигаются на нас с неотвратимостью хода самой Истории.

«Через час, ещё в предрассветной мгле, «Саратов» отдал концы и тронулся вдоль пристани, – с тоской писал А. Л. Марков об отплытии «белых» из Новороссийска. – Город, едва видимый в тумане утра, спал, и только кое-где в нём горели огни. Внизу глухо постукивала машина, рядом со мной в группе серых неразличимых фигур кто-то всхлипнул. Один за другим плыли мимо борта военные и товарные корабли с желтевшими при утреннем свете огнями. Последним приветом России промелькнул часовой в мокрой лохматой папахе на конце мола. Рядом кто-то плакал навзрыд. С востока навстречу «Саратову» надвигалась серая мгла тумана и... неизвестности».

Это имя – П. Я. Добрыня-Конюхов я нахожу в опубликованных в интернете списках пассажиров парохода «Саратов», отчалившего из Новороссийска в начале 1920 года.

После того, как Белая армия проиграла Гражданскую войну, начался массовый отток интеллигентов и их семей из России. Это явление историки назовут «Эмиграцией первой волны». За пределами России оказались 2,5 миллиона человек.

Куда направлялись эти люди? Не только в Европу, США и китайский Харбин, но также в страны Ближнего и Среднего Востока, о жизни русских эмигрантов там десятилетиями практически ничего не было известно.

Посадка на пароход в Новороссийске (1920)

В каких условиях все эти люди вынуждены были уплыть от родных берегов?

Как вспоминал в записках «Из беженских скитаний» известный журналист и театральный критик того времени, оказавшийся на одном пароходе с Петром Яковлевичем Добрыней-Конюховым, Сергей Яблоновский (Потресов): «Трюмы были без коек, без матрасов, без подстилок – без всего. Стены, потолок и мокрый, вонючий, от только что произведенной дезинфекции, липкий пол. В этих огромных пароходных сараях располагались друг к другу, в тесноте, вповалку, люди самых разнообразных положений.

Мужчины, женщины, дети... Глубокие старики, раненые и инвалиды сплошь и рядом оказывались в нижних трюмах и должны были преодолевать ряд неудобных лестниц; молодые и здоровые подчас оказывались в привилегированном положении. ... Слишком много люди натерпелись. За ними были ужасы, с ними и перед ними – неизвестность. Подчас эта нервность проявлялась в совсем патологических формах. Так, прибежала в рубку вечером какая-то дама; рассказывала, плача, что у ее сестры жар в 40 градусов, что никто не хочет помочь, за простую клизму сестра

просит 40 франков; ей посоветовали пойти к доктору; она разрыдалась, ушла, а через четверть часа мы узнали, что она бросилась в море, еле вытащили ее. К еще большему изумлению оказалось, что у дамы вовсе нет больной сестры – мы имели дело с острым психозом.

Рассказывали о 7–8-летнем мальчике, который ночи напролет кричит: «не вяжите, не убивайте меня!»! Этот мальчик просидел недавно три недели в подвале, в Царицыне, ежеминутно ожидая всяких ужасов. Это – единицы, но все испытали, в той или иной форме, и лишения, и муки и сейчас были скучены в трюме, как скоты. Особенно было жаль триста человек детей, кадетов Новочеркасского и Владикавказского корпусов, принятых на пароход в последнюю минуту. Для них не было никакого места; они дневали и ночевали на палубе, а погода была неустойчивая, с дождем и ветром. Среди дня поднималась до 36, а вечером спускалась до 5. Среди детей были больные».

Были больные и среди взрослых. Став у входа в Босфор, команда «Саратова» выкинула желтый, карантинный флаг. К тому времени на борту было 18 сыпнотифозных, 11 подозреваемых в заболевании тифом и двое детей, заболевших корью.

Пассажиры парохода «Саратов» из-за начавшейся на борту эпидемии инфекционных заболеваний не были приняты ни в Константинополе, ни в порту Фамагуста на Кипре.

«По-видимому, никто не знал, что с нами делать и куда отправить, – продолжает Сергей Яблоновский. – Число больных на пароходе возрастало. В некоторых трюмах здоровые люди были окружены со всех сторон заболевшими, а пребывание вместе мужчин и женщин лишало совершенно возможности переменить белье. Даже умыться нельзя было, как следует: морская вода в умывальниках не растворяла мыла, грязь размазывалась по лицу и рукам, не вымывая их.

(...) Ощущалась подавленность, тревога. Казалось, что нас вечно будут отталкивать от одного берега к другому, пока все не погибнут от тифа.

(..) По-видимому, люди потеряли сознание действительности; и было отчего: вся жизнь вокруг них походила на сказку. Там – сзади – оставленная родина, положение, состояние, близкие; птичье существование, то с рядом лишений, как в Ростове и Новороссийске, то, как в феерии, – при помощи взмаха жезла доброй волшебницы, в данном случае –

Англии. Правда, пока этот взмах жезла давал только тяжелую жизнь в трюмах и ежеминутную возможность заразиться, но и сейчас уже везли бесплатно, пищу выдавали бесплатно, жизнь организуют бесплатную – и многие пассажиры поспешили воззреть на себя, как на птиц небесных, которые не сеют и не жнут. Слаб человек. Уже и сейчас казались волшебною сказкой непривычно мягкий климат, яркая лазурь теплого неба, многотонная голубизна моря, пестрые наряды людей, панорама Константинополя. – Стамбул, Скутари... Все это представлялось сном, видениями, рожденными опьянением».

«Наконец, мы тронулись в путь, в Александрию и снова торжествовали. Мой мечтательный спутник снова искал моего сочувствия:

– Африка – вы только подумайте!.. Пушкин стремился «под небо Африки моей»! И не попал, а вот я, от ужасов – и вдруг в Африку... И Александрия...

12 (25) марта, в 6 часов дня, мы увидели Александрию. Издали она казалась невероятно громадным городом, растянувшим по берегу на десятки верст свои белые постройки. Подплыв, мы увидали, что это узкая полоса зданий на берегу, почти исключительно торгового характера. Среди этих сухих деловых строений так странно возвышались здесь и там группы финиковых пальм. В нашем северном воображении пальмы меньше всего ассоциировались с индустрией и вообще с прозой жизни. Тут, совсем около нас, начиналась дельта Нила. Жарко, ясно, тона все ярки до ослепительности. Подобно тому, как, видя картину, изображающую знакомую природу, мы говорим: «совсем, как живая», так здесь мы говорили: «совсем, как на картинах». В памяти вставляли полотна «африканских пейзажей», казавшихся такими неприятно-неестественными своими слишком белесыми тонами. Теперь эти белые и в то же время ослепительно яркие, без полутонов, краски окружали нас отовсюду. Иное небо, иное солнце; море, воздух, люди – все, все иное...».

По свидетельству Сергея Яблоновского, беженцы пробыли на борту «Саратова» 22 дня.

Высадились на берег с надеждой на то, что скоро заживут самостоятельной жизнью, то ли в Александрии, то ли в Каире.

19 марта 1920 года в лагерь беженцев, размещенный в Тель-эль-Кебире, приехал русский консул в Александрии А. М. Петров и сообщил,

что английское правительство берет на себя заботу о пропитании, необходимой одежде – и ничего больше. После окончания срока карантина мы будем размещены либо в Тель-эль-Кебире, либо в Сиди-Бишре, либо в Измаилии... Все это – лагеря военнопленных, расположены они в пустыне, жить мы будем в палатках. Посещать город каждый раз можно будет только с особого разрешения, не более чем на несколько часов...

«Перспектива не из блестящих, и на нас в то время слова «пустыня, палатка» производили совсем тяжкое впечатление».

На 22 марта (4.IV) было объявлено переселение беженцев в Каир. В Каир, а вовсе не в какую-нибудь пустыню.

«Мы уезжаем из карантина, где каждое утро арабы поливали пол раствором формалина, разъедавшего глаза и бронхи, но где благополучно ползали паразиты; где не было прачечной и горячей воды, где все было постыдно первобытно и где для еды нам не давали ни тарелок, ни ложек, ни ножей и вилок. В Каире, конечно, будет иначе. Все ликовали...».

Однако тогда, когда поезд двинулся в путь, русские беженцы узнали, что их везут не в Каир, а в Тель-эль-Кебир.

«Вдруг обильная растительность оазиса с левой стороны поезда оборвалась и перешла в пустыню, настоящую пустыню. Ни деревца, ни травинки, ни кустика. Светлый, почти белый песок, уходящий вдаль, пока хватает глаз, на нем ряды белых палаток, а над ним небо. Мы бросились к окнам с чувством острого любопытства: мы первый раз видели пустыню. Как молния вдруг поразила весть, что эта пустыня и есть тот самый Тель-эль-Кебир, куда нас привезли. Известие подействовало ошеломляюще: одно дело созерцать пустыню из окна вагона, и другое дело поселиться в ней «надолго... навсегда»... Явилось в душе чувство боли, тоски, обиды. Несколько женщин не выдержали и заплакали».

«Итак – пустыня. Странно с непривычки видеть совершенно голую, не имеющую физиономии, землю. Ничего кроме безнадежно правильных рядов безнадежно одинаковых палаток. Геометрически точно отмерены пространства между палатками и ширина дорожек. Палатки обозначены, как клетки шахматной доски, буквами и цифрами... Выздоровевшие помещались в военном лагере, в расстоянии полуверсты, а нас поместили около больных. Палатки здесь были длинные, с четырех-

скатной крышей, с красной материей, проложенной между двумя слоями парусины для поглощения солнечных лучей. В каждой палатке помещалось по 40 кроватей. Матрац, жесткая подушка, простыня, часто в кровавых пятнах, потому что после раненых их не мыли, а дезинфицировали, и суконное одеяло. Ни скамеек, ни столиков – ничего. Пища приносилась в ведрах: жирный бараний суп и иногда молочная каша. Кроме того, давали хлеб, сыр, сало и какао. Все это было очень мало вкусно, очень неопытно приготовлено, страдало, по письменному свидетельству врача, сильным излишеством жиров, было бедно белками и недостаточно по содержанию углеводов. Количество пищи, выдаваемое мужчинам, было более или менее достаточно, но женщинам выдавали только половину этого пайка, а детям до 12-тилетнего возраста – одну четверть. Разумеется, мужчины не согласились на такое неравенство; вся пища была соединена и делилась поровну. Но мужчин было в семейном лагере 105 на 259 женщин и детей, и потому все недоедали...».

«Впрочем, первые сильные впечатления по прибытии были не от пищи, а от обстановки, в которой мы оказались. Лагерь был обнесен колючей проволокой. Выходить за нее можно было только на узкую полосу пустыни, шириной в несколько десятков сажен, до полотна железной дороги. За полотном начинался оазис (самое название «Tel-el-Kibir» в переводе с арабского значит: «Большой оазис»). Там была трава, поля, пальмы, но туда мы долгое время совсем не имели права ходить, а впоследствии могли ходить только с особого каждый раз разрешения, «с пассом».

Для поездки в Каир или Александрию на лагерь выдавалось ежедневно по пять пропусков, а жителей в разных лагерях было где около 1000, где 700.

Воспрещалось ходить на базар, на станцию железной дороги, разговаривать с пленными турками, обращаться с просьбами непосредственно к коменданту и т. п. Провинившихся отправляли в специальный дисциплинарный лагерь.

«В середине апреля нам выдали обувь, белье и платье. Мы привыкли слышать о добротности английских товаров; конечно, было бы, по меньшей мере, странно ждать, что нас оденут вполне *comme il faut*, но я никогда не думал, что на рынок выпускается такой низкопробный

товар, какой предложили нам. Относительно верхнего платья сами англичане говорили: вероятно, вы его не возьмете, потому что почти все это уже ношеное, грязное, с плеча бывших здесь военнопленных турок. Но многим пришлось взять и это. Вообще, наш внешний вид, в дешевых африканских шлемах, в нижних сорочках, в брюках, приспособленных из теплых кальсон, и в индийских туфлях, был бы очень смешон, если бы мы расположены были смеяться».

Жизнь беженцев в Тель-эль-Кебире: «колючая проволока вокруг лагеря, да пассы, да холодно-высокомерное отношение англичан, да полная неизвестность относительно того, что происходит в России, да тоска по родным...».

Оказалось, что уехать из Египта можно было только с разрешения англичан, уплатив 80 фунтов стерлингов. Автор подробно рассказывает о том, к каким унижениям он должен был прибегнуть, чтобы собрать необходимую сумму.

Яблоновский в своих записках как бы оправдывается, что боится «говорить дурно об англичанах». Как-никак, пишет он, «это они вывезли нас из ада гражданской войны», и все же ему трудно удержаться; не жалея красок, он пишет о бездушии и грубости английских чиновников.

«Так потекла наша лагерная жизнь у англичан. Что мы должны сказать за нее англичанам? – заключает Сергей Яблоновский. – Спасибо ли горячее и безусловное, или спасибо, сопровождаемое целым рядом оговорок? Этот вопрос много раз вставал перед нами и разделял нас на две группы: большинство, склонное не только делать оговорки, но и подчас горько упрекать, и незначительное меньшинство, которое говорило:

– Они вас вывезли, и одни они это сделали. Без них вы погибли бы. Вы за их счет едите, пьете, одеваетесь, живете – как можете вы высказывать какие-то претензии?»

Конечно, жить даже среди самых тяжелых лишений лучше, чем не жить вовсе».

На чужбине...

Итак, мой двоюродный дед Петр Яковлевич Добрыня-Конюхов прибыл в Египет на пароходе «Саратов», пережив все вышеописанные злоключения.

Об этом я с волнением читаю в книге профессора Геннадия Горячкина «Русская Александрия», где также сообщается, что в лагере русских беженцев для детей эмигрантов вскоре была открыта школа. Возглавил ее профессор Харьковского университета А. Н. Фатеев, который также прибыл в Египет на этом корабле.

И мне трудно удержаться от цитирования такой детали о школе в лагере эмигрантов в Тель-эль-Кебуре: «Учились все лето, чтобы дети могли пойти в следующий класс, если вернуться в Россию к осени...».

Вы только представьте себе! Летом 1920 года они все думали, что большевики – это ненадолго. Максимум – до осени.

Но никто из них в Россию так и не вернулся!

Как напишет один из потомков русских беженцев Николай Старковский: «Переселенцы были в плену песчаных дюн, политики Антанты, изумительного египетского неба и времени, которое остановилось, казалось, навсегда».

«В александрийский Сиди-Бишр из временного лагеря в Тель-эль-Кебуре школа переехала вместе с эмигрантами, здесь ее директором был старшина П. Я. Добрыня-Конюхов, совершенно замечательная фигура...» (Г. В. Горячкин. «Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте», Москва, «Русский путь», 2010, стр. 81).

Вот это находка! Мне трудно унять волнение. Оказывается, мой двоюродный дед был одним из заметных представителей русской эмиграции, он заведовал русской школой.

Но и это еще не все! Есть что-то мистическое в том, как пробивался ко мне Петр Яковлевич Добрыня-Конюхов сквозь толщу лет и расстояний. Какая же мощная духовная энергетика оказалась у этого человека!

После того, как очерк о нем я разместила в интернете, в Живом журнале, на этот материал откликнулся москвич Сергей Свирин, который также разыскивал сведения об одной из своих родственниц, оказавшейся в эмиграции в Египте. Сергей написал мне, что случайно увидел в Государственном архиве Российской Федерации отрывки из «Дневника директора школы», которые П. Я. Добрыня-Конюхов в 1924 году специально написал, сопроводил собственными рисованными иллюстрациями и отправил своему другу профессору Русского народного университета в Праге А. Н. Фатееву.

В 1946 году все имеющиеся у них материалы русской эмиграции

правительство ЧССР передало Москве. Так записки моего двоюродного деда из архива профессора Фатеева оказались в Государственном архиве Российской Федерации.

Сергей Свирин любезно сделал копии этих бесценных документов (фонд р 9145, опись 1, д. 197) и прислал мне.

Из этих дневниковых записей я узнаю, что здесь, в Египте, судьба свела моего двоюродного деда с замечательными русскими интеллигентами и коллегами.

В первую очередь это бывший профессор Харьковского императорского университета **Аркадий Николаевич Фатеев** (1872–1952), выдающийся историк и философ права, сферу научных интересов которого составляли проблемы истории правовых и политических учений. Впоследствии переехал из Египта в Прагу, где принял участие в основании престижного Русского народного университета (1923). Его кредо: «Создание очагов русской образованности можно почитать одной из священнейших обязанностей зарубежной русской интеллигенции». Как свидетельствуют найденные мною документы, Аркадий Николаевич и Петр Яковлевич состояли в плодотворной профессиональной и дружеской переписке.

Сергей Викторович Яблоновский (1870–1953), воспоминания которого «Из беженских скитаний» я цитировала выше. Под этим псевдонимом выступал известный в дореволюционной России журналист, театральный и литературный критик, поэт и эссеист Сергей Викторович Потресов. Потомственный дворянин, родившийся в семье харьковского адвоката, до революции – фельетонист популярной харьковской газеты «Южный край». Убежденному антимонархисту Потресову-Яблоновскому в свое время большевики предъявили обвинение в попытке освободить содержавшегося в Екатеринбурге в ожидании приговора императора Николая II и его семью. Журналист, не долго думая, сбрил бороду и с чужим паспортом вместе с семьей уехал на юг России, в Харьков, где примкнул к Белому движению.

Владимир Николаевич Войтенков (1869 – ?) – известный российский юрист, бывший товарищ прокурора Харьковской судебной палаты.

Клавдия Петровна Гандурина (урожденная – Де Скотт, 1873 – ?) – англичанка, дочь британского морского офицера, жена известного

российского фабриканта – «короля русского ситца» Владимира Антоновича Гандурина. Вместе со своей родственницей, Александрой Рафаиловной Гандуриной (урожденной Сыромятниковой) до революции щедро меценатствовала в Иваново-Вознесенске. А будучи в эмиграции, в один из самых тяжелых жизненных периодов (1921 год), стала одним из основных организаторов и сотрудников русской школы в египетском поселке Тель-эль-Кебир для детей эмигрантов.

Фёдор Петрович Рерберг (1868–1928) – русский военный деятель, генерал-майор, который обладал незаурядными литературными и художественными способностями. Оставил после себя одну из лучших книг с анализом событий русско-японской и Первой мировой войны под названием «Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений».

Школа за колючей проволокой. Из дневника П. Я. Добрыни-Конюхова

*Оцифрованный текст дневника П. Я. Добрыни-Конюхова.
Рукопись, найденная в Государственном архиве Российской Федерации.*

«Тель-эль-Кебир – это маленькая железнодорожная станция на берегу канала, по одну сторону которого – узкая полоса орошаемой и возделываемой земли с прекрасной яркой зеленью; а по другую сторону канала – желтая пустыня с шакалами, миражами и смерчами, правда, небольшими.

Лагерь русских (госпиталь, лагерь выздоравливающих, семейный лагерь, Донской кадетский корпус) были расположены в пустыне, в полотноных военных палатках, в полуверсте от берега канала.

Как только русские осели на места, сейчас же возникал вопрос о необходимости создания школы; и почти в одно время – в начале 1920 года – в разных местах русских поселений возникли школы: 1) в Индусском госпитале создалась небольшая школа стараниями А. О. Афросимовой и З. В. Шевченко; 2) в Сиди-Бишре – гимназия, директором которой был (1920–21 гг.) А. Н. Филатов; 3) в Тель-эль-Кебуре – в начале 1920 года также создалась школа; ее создателями и директорами были: К. П. Гандурина, Сергей Яблоновский (Потресов),

Аркадий Николаевич!
 посылало Вам эти отрывки Дневника; если
 они представляли бы к.-н. интерес — можете
 прислать мне кому-нибудь из друзей (Вам
 если хотите прислать новую копию) — куда
 бы мне не послать (но Вы этого не сможете
 и никто такой же материал не получит от отца
 и — хотя бы стоило бы эти копии) —
 Больше никому эти копии не послать.
 Живу попрежнему — в след по тем.
 Живёт совсем всего нормально
 Вам П. Добрыни-Конюхова
 10 июля 1924 г.
 Alexandria - Egypt.

Сопроводительное письмо на имя А. Н. Филатова
 к «Отрывкам из дневника» П. Я. Добрыни-Конюхова

В. Н. Войтенков. Многие родители помогали ей, чем могли, личным трудом, случайно захваченными учебниками и т.д. Школа эта после переселения русских в Александрию слилась с образовавшимися здесь школами, получила материальную поддержку от благотворительного комитета, образованного в Александрии российским консулом А. М. Петровым, и превратилась в среднюю русскую школу с программой русских реальных училищ и добавлением латинского языка и — в последний 1921–22 учебный год — начертательной геометрии. Школа произвела два выпуска: аттестатов зрелости — 4; свидетельств за 7-й допол(ительный) класс реальн(ых) училищ — 5; за 6 классов реальн(ых) училищ — 5; за женскую гимназию — 1.

Школа не получала помощи ни от какой русской организации за границей и поневоле должна была быть самостоятельной. Попечителем школы был российский консул в Александрии. Свидетельства и аттестат

создалась; во главе ее стояли К. Гандурина, Сергей Яблоновский (при нем я, еще не выходя из госпиталя, стал преподавателем школы). В. Н. Войтенков (после отъезда Яблоновского).

Школа была, вероятно, самая бедная в мире: писали на... туалетной бумаге (ее англичане давали в избытке); помощи извне было очень мало. Преподаватели делают все, что можно, чтобы дать возможность детям учиться и чтобы свести в классы учеников весьма разнообразных русских учебных заведений. Трудность этой работы, усиленная бедностью, является причиной вполне понятного отсутствия стройности в первоначальной работе всех русских школ, создававшихся вне России...

Декабрь 1920 года. Тель-эль-Кебир. Дни стали короче. Ночи – холодные. Англичане выдали по третьему одеялу. Поля по-прежнему – зеленые. Некоторые деревья начинают сбрасывать листья, но это не создает впечатления русской осени: по-нашему это помесь июля (желтые поля) с началом мая (яркие первые всходы). Дни солнечные.

5 декабря. Первый с марта дождь. Сильный, но недолгий; потом снова солнце.

20 декабря. В 12 часов ночи (19.XII) все русские выехали поездом из Тель-эль-Кебира (NB: Кадетский корпус был раньше отправлен в Измаилию). Из Тель-эль-Кебира было жалко уезжать: привыкли.

В Александрию (платформа Сиди-Бишр) прибыли в 7 часов утра 21 декабря. Пути – 7 часов. Перетаскивание вещей, чистка барачков (уже не в палатках!), переноска кроватей, столиков, тюфяков, работа на кухне и т.п. физический труд заняли первые несколько дней. Не до школы. Кстати, ведь сейчас время Рождественских каникул. Решили поневоле дать отдохнуть детям от школы на физическом труде. Заняли лагери: «А» – семейный лагерь; «В» – лагерь здоровых и «С» – госпиталь; до нашего приезда тут был поселен лагерь «Д» и частью «А» (группой русских из Индусского госпиталя). Все лагери были обнесены колючей проволокой, во всех – деревянные бараки.

1921 год (числа месяца везде указаны по новому стилю).

1 января – теплый день. 6 января – сочельник Рождества. Жаркий день, купание в море (40 минут ходьбы от лагеря). 7 января – Рождество по старому стилю. Богослужение в церкви лагеря «В». Днем дождь с громом. Грозы тут редки.

25 января – я получил назначение директором школы лагеря «А». Нужно слить Тель-эль-Кебирскую школу со школой бывшего Индусского госпиталя. Попечитель школы – российский консул в Александрии.

26 января – первый день работы в школе; устройство школы, очистка здания (большой барак без перегородок) и т.д.

Группа русских беженцев с детьми (Александрия, 1920-е гг.)

Февраль – работа в школе налаживается. 14 февраля – экскурсия школы в Абукир (1/2 часа езды поездом, проезд англичане устроили бесплатный). В Абукире пробыли целый день: форт Наполеона, катакомбы; развалины и остатки древних зданий; собрано немного материала для школьн(ых) коллекций. 18 февраля – посещение школы леди Алленби (lady Allenby) – жены англ(ийского) высш(его) представителя в Египте; обещана помощь. 22 февраля – посланы письма с просьбой прислать учебники: «Родина» (Берлин), Povolozky (Париж), New Russia (Лондон), «Кремль» (Прага).

Март. 2 марта: официально объявлено об отъезде всех русских

в Сербию... Это известие отравляет работу, но... 8 марта все-таки послано в Сирийское благотворительное общество письмо с просьбой помочь русской школе, а 11 марта состоялась экскурсия школы в Александрию: музей, картинная галерея, колонна Помпея, катакомбы (проезд поездом бесплатный для 70 человек); в городе в распоряжение школы был предоставлен вагон трамвая (двойной), который и возил нас по городу без пересадок. (Англичане и Трамвайное общество очень любезны).

В марте организовалось «Общество любителей сценического искусства». Приспособили один из больших барачков (лагерь между «А» и «В») под театр (человек на 300); занавес и боковые украшения сцены – сделаны очень хорошо (Юшкин, Вуколов и другие) в русском стиле (с богатырями). Электричество. На оборудование театра была дана помощь от англичан, консула и частных лиц. При театре был клуб-читальня. Председателем общества был избран П. Я. Добрыня-Конюхов.

Режиссеры: М. Манглер, С. Фадеев, Будде; артисты-любители: кн(ягиня) М.Н. Авалова (*предположительно – вдова князя Семёна Николаевича Авалова (1880–1920) – участника Первой мировой войны и Белого движения, убит в станице Натухайской в марте 1920 года – Е. З.*); А. Антоненко. А. Смирнов, Ольгин (еще имена в сноске: В. Мандрыкина, Валуева, Е. Николаева, Н. Долгова, И. Н. Бутович, И. Келдыш, Сысоев, Афанасьев) и друг(ие). Почетные члены кружка: lady Congrieve (жена командующего английскими войсками в Египте, основательница и председательница Каирского комитета помощи русским); русский консул, английский комендант.

25 марта: открытие Русского театра в Сиди-Бишре; большой бесплатный спектакль. Программа: 1) «В старом парке» – музыкальная картинка; 2) сцена у фонтана – из «Бориса Годунова»; 3) оживающий портрет: «О дайте-дайте мне свободу, я свой позор сумею искупить...»; 4) песни сибирских бродяг (так в тексте с «х» – Е.З.) (инсценировка); 5) апофеоз с кантатой. Вход по пригласительным билетам. Много иностранцев. Спектакль был повторен (и прошел лучше) специально для русских и для школ.

Апрель. Отъезд в Сербию, по-видимому, отложен. 9 апреля – посещение школы консулом, письмо от Пальчевского – но не учебники (*сведений о личности Пальчевского, о котором идет речь, мне не*

удалось найти, – Е. З.) 11 апреля – концерт в театре по случаю приезда леди Конгрив. Школе предоставлена одна ложа. 16 апреля – генеральная репетиция (в костюмах и гриме) «Женитьбы» Гоголя, для школ – 5 лож.

23 апреля – получено от Александрийского благотворительного комитета жалованье преподавателям 57 фунт(ов) 95 пиастр(ов). 24 апреля – получены учебники по математике, истории, физике. 25 апреля – приезд в лагерь и посещение школы англичанином от Земско-Городского союза; обещал помощь.

Май. 1 мая: Пасха по старому стилю. Заутреня. Все русские получили по куличу и по несколько яиц от Александрийского комитета. В школе на 1-й день был общий чай для детей и преподавателей. 2 мая – проводы в собрании при театре полковника Гранвиля (Granwill) – английского коменданта лагерей; он, в общем, хорошо относился к русским; его любили. Добродушный старик. 18 мая – посещение лагерей американским архимандритом Эммануилом абу Хатабом (сириец, правосл(авный)). 20 мая – заседание родительского комитета (бурное). Вопрос об экзаменах. 21 мая – новый английский комендант – полк(овник) Энсвортс (W.T. Ainsworth) – в первый раз зашел в школу; обещал, по моей просьбе, хотя бы на время экзаменов освободить от нарядов на работы (по переноске продуктов на кухню, по очистке дорог от песка и т.д.) учеников и преподавателей школы. После его ухода русский комендант лагеря «А» (шт(абс)-кап(итан) Н. А. Видовский обещал мне ходатайствовать перед англичанами об неосвобождении учеников от работы даже и во время экзаменов.

Вопрос с нарядами на работы учеников обстоял таким образом: беру для примера отрывки из школьного дневника (1920–21 года). Записи нарядов (особенно коротких) делались не всегда: 21 февраля: ученики Проскуряковы (5 и 7 кл.) и Рерберг (5 кл.) – в наряде. 26 февраля: Рерберг (5 кл.) и Альтухов (7-й доп(олнительный) класс) – в наряде. 14 апреля: прививка оспы восьми ученикам школы. 16 апреля: наряды учеников на работы по распоряжению русского коменданта (Н.А. Видовского) будут происходить на первых уроках. 19 апреля: Кожевников (3 кл.) – в наряде. 21 апреля: Альтухов (7 кл.) – с утра в наряде. 23 апреля – 8 мая – Пасхальные каникулы: записей нет. 8 мая: Альтухов и Рерберг – на очистке дороги от песка. 11 мая – Попов (7 кл.), Альтухов, Войтенков (5 кл.), Рерберг (5 кл.) – в наряде (очистка дороги). 12 мая –

Кожевников (3 кл.), Проскуряков (7 кл.) – в наряде. 13 мая – братья Проскуряковы – в наряде.

Преподаватели: Н. А. Парманин и В. П. Кушталов – ночью в карауле (лагерь «В»). 14 мая: Рерберг и Войтенков – в наряде. 20 мая: Горский, Войтенков, Рерберг – в наряде. 21 мая – английский комендант отдал приказ об освобождении учеников во время экзаменов от нарядов. Русский комендант лагеря «В» обещал ходатайствовать об неосвобождении. 23 мая по назначению русского коменданта в наряде: Альтухов (7 кл.) – на песчаных работах; Рерберг (5 кл.) – переноска мешков. 25 мая: посещение школы английским комендантом для выяснения вопроса о нарядах (после моего рапорта), его резолюция: ученики по мере возможности должны работать, но они должны и учиться.

20–23 мая – демонстрации и беспорядки в Александрии на националистической подкладке. 24 мая – английский комендант снова в школе, просил освободить учеников от уроков: сегодня – «Empire Day» (*День Империи, праздновали в Великобритании с 1903 по 1958 гг. 24 мая – в день рождения британской королевы Виктории, – Е. З.*).

28 мая – роспуск учеников для подготовки к экзаменам. Жалованье преподавателям за май уплачено не полностью. Преподаватели всех главных предметов помогали ученикам готовиться к экзаменам и во время пасхальных каникул и в перерывах между экзаменами.

Июнь. Экзамены – проверки сделанной работы и состояния знаний во всех классах и по всем предметам, включая рисование и рукоделие. Никаких денежных поступлений в школу не было. Преподаватели жалованья не получили.

Июль. 2 июля: окончание экзаменов в выпускных классах; аттестаты и свидетельства с параллельным русским и французским текстом юридически заверены русским консульством и выданы: за реальное училище с семью дополнительными классами – 2 (А. Проскуряков и И. Альтухов); за мужскую классическую гимназию – 2 (А. Кожевников и К. Попов) и за женскую гимназию – 1 (Н. Карпович).

5 июля – ужин по случаю выпуска. Гости: консул – попечитель школы, английская комендатура, проф(ессор) А.Н. Филатов – директор школы лагеря «Д» и некоторые родители (мало). Расходы на ужин составились частью из взносов родителей (по 30 пиастров), частью на средства директора – три с половиной фунта.

12 июля – детский спектакль в театре «Белоснежка и семь карликов» – ставила В. Н. Терлецкая. На другой день англичане (они любят детей и собак) устроили для русских и английских детей угощение. Директор школы отказался от председательствования в театральном кружке. 22 июля – спектакль в театре – фарс «У вас есть что предъявить?». Ученикам – не разрешено. 27 июля – Русский лагерь в Сиди-Бишре посетил Верховный английский комиссар, наместник Египта, лорд, виконт Алленби.

... В июле и августе с желающими учениками велись занятия по английскому языку, без письменных работ и задания уроков: чтение (перевод с английского) и – как продолжение фабулы – устный перевод рассказов с русского в духе... Ната Пинкертон (сыщик – герой популярной детективной литературы первых десятилетий XX века, – Е. З.). Отличный метод, дает тренировку в разговорном языке.

NB! У детей (как и у взрослых) есть периоды увлечения литературой типа Майн Рида (бой-скаутизм), Ната Пинкертон. Превратить это увлечение в страсть к усвоению грамматики или политических программ нет никакой возможности – почему бы не использовать его для тренировки в разговорном языке?

... Летом никто из преподавателей и администрации школы жалования не получал. Летом, как потом оказалось, велась ультраправыми организациями сильная агитация против меня как директора школы. Каникулы были: июль – сентябрь (это обычно для Египта). В сентябре я получил письмо от попечителя школы с предложением соединить школы лагерей «А» и «Д» (профессор А. Н. Филатов получил кафедру в Европе) и начать занятия.

Сентябрь. 21 сентября – первое заседание педагогичес(еского) совета. 23 сентября – распределение уроков. Изыскание средств. В Благотворит(ельном) комитете денег нет и, говорят, не будет долго: ожидают разрешения благотворительной лотереи.

Октябрь. 1 октября (суббота) – молебен в школе. В ночь на 1 октября препод(аватель) Н. А. Парманин – в карауле (распоряжение русского коменданта лагеря «В» Бражникова). 3 октября – работа учеников и преподавателей по устройству школы. 4 октября – начало уроков. 8 октября – преподаватель Парманин назначен рабочим на кухне (чистка картофеля, переноска продуктов, мойка и чистка котлов и т.д.). В ночь

на 9 октября я – в карауле на складе. После караула – разговор с комендантом лагеря «В» Бражниковым о не назначении преподавателей на работы, хотя бы в будние дни. 9 октября – послано письмо в Сирийское Благотворительное Общество св. Георгия в Каир с просьбой помочь школе. NB! В прежние времена Россия много помогала школам этого общества – может, оно вспомнит старое? В Тель-эль-Кебир оно кое-что прислало.

9 октября – преподаватель – инженер В. И. Петропавловский (60 лет) – дежурный по кухне лагеря «В». 14 октября – Покров по старому стилю, директор школы – рабочий по кухне лагеря «В». 16 октября – Парманин в ночном карауле. 26 октября – получены тетради от У.М.С.А (Союза Христианской молодежи). 30 октября (воскресенье) – экскурсия школы в окрестности лагеря; ночь на 30 – я в карауле.

Ноябрь. 4 ноября: члены правой организации (В. Н. Зверев, Анисимов и Аракчеев) оскорбили в собрании перед чтением лекции по высшей математике преподавателя – инженера В. И. Петропавловского за то, что Петропавловский назвал хулиганом одного из бой-скаутов, совершившего действительно хулиганский поступок. Зверев, Анисимов и Аракчеев организовали команду бой-скаутов и, несмотря на письменную просьбу директора ставить хотя бы в известность администрацию школы о своих планах, не только этого не делали, но, как потом оказалось, вооружали учеников против директора школы. 5 ноября – экстренное заседание совета: Петропавловскому выражено сочувствие».

... Эта история имела весьма громкий резонанс! Судя по тому накалу страстей, которые ныне кипят в российском и украинском обществе, можно себе представить, что творилось в 20-е годы в среде русских эмигрантов.

Профессор Горячкин, автор книги «Русская Александрия», изучил эмигрантский журнал того времени «На чужбине» и вот что привлекло его внимание в отчете за 1921 год. Журнал пишет о том, что, несмотря на пестроту политических взглядов, основная масса беженцев в Египте была настроена демократически и не относилась к сторонникам крайних позиций. По численности это была самая крупная группа, которая еще не решила для себя вопрос, примыкать ли к новой России, остающейся в нынешних территориальных границах, или же жить мечтами о прежней исторической России.

«Для нее неясен путь будущего возрождения Родины; она не знает, произойдет ли это в процессе новой интервенции (в которой она не хочет принимать участия), или это свершится путем эволюции большевизма, если он может эволюционировать», – цитирует автор книги журнал «На чужбине». И вывод: «Отсюда вытекает ее (умеренной эмиграции – Е. З.) тактика: то тягостное выжидание, в котором пока нет просвета».

Я думаю, что такая оценка вновь актуальна сегодня для тех думающих и способных критически мыслить людей, кто остается в Украине, любит свою родину и тревожится за ее дальнейшую судьбу, не правда ли?

Но читаем дальше. Как пишет Геннадий Горячкин, «именно к этой наиболее крупной прослойке умеренных россиян принадлежали александрийские русские беженцы, которые оказались в поле нашего зрения. Среди них достойное место по праву принадлежит П.Я. Добрыне-Конюхову». О его умеренных и лояльных взглядах говорили автору книги «Русская Александрия» хорошо знавшие моего двоюродного деда Т.Н. Монти (Серикова) и Т. Д. Конн.

Там же Добрыня-Конюхов попал под жесткую критику правого лагеря, обвинившего школьного директора в левых взглядах. Увы, ничего нового: радикалы – мастера писать лживые доносы.

Как отмечает профессор Горячкин, моим предком особенно был недоволен Союз монархистов, члены которого неоднократно обращались к Ф. П. Рербергу (русский военачальник-эмигрант, генерал-майор, – Е. З.), указывая на то, что «его сына в школе воспитывает большевик».

На что генерал Рерберг ответил, что все иконы в церкви кампа «Б» написаны «большевиком» Добрыней-Конюховым и что «тех монархистов, которые устроили кампанию против директора школы, он ни разу в церкви не видел».

П. Я. Добрыня-Конюхов был вынужден открыто на страницах журнала «На чужбине» выступить с ответным словом, опубликовав в нем, с моей точки зрения, совершенно очаровательное «Открытое письмо»: **«Писать это письмо вынуждает меня глубокое убеждение, что школа должна быть аполитична и что интересы ее должны быть выше личных симпатий и личных денежных выгод. В кампах**

ведется агитация против меня как директора Русской школы в Сиди-Бишре. Говорят, что я большевик, вношу в школу политику, срываю флаги с театра, не имею знаний, негоден как преподаватель и т.д. Очевидно, есть желание взять школу в свои руки и вести дело по-иному. Покорнейше прошу лиц, ведущих против меня агитацию, со своими заявлениями обращаться непосредственно ко мне, чтобы получить от меня совет и указания, как им навсегда от меня избавиться. П. Добрыня-Конюхов. Сиди-Бишир, ноябрь 1921 г.»

А вот, как вспоминает об этом в своем дневнике сам Петр Яковлевич:

«6 ноября – родительское собрание. Мое открытое письмо в ноябрьском номере издававшегося в Сиди-Бишре журнала «На чужбине».

Только через два года я узнал (из записок генерала Ф. П. Рерберга), насколько это письмо было кстати и как оно попало не в бровь, а в глаз. Конечно, никаких обращений я не получил, но 13 ноября я получил очень милое письмо от родителей с выражением доверия и просьбой остаться во главе школы. Подписали его все, кроме четырех; оказалось, громадное большинство. Можно продолжать работу!

Декабрь. 3 декабря: комендант лагеря «А» (Н. А. Видовский) не дал окончить письменной работы по аналитической геометрии и выгнал из школы учеников и преподавателя. «Разве не слышали звонка для выхода из лагеря?» (Требовалось, это я знаю по работам, максимум 20 минут). Мой рапорт об этом английскому коменданту – он взял и тут учеников под свою защиту. 4 декабря – литературное утро в школе в память Достоевского. 9 декабря – Георгиевский праздник в лагере «Д». Завтрак; гости – английские офицеры. 13 декабря: футбол русских учеников с англичанами в колледже «Виктория». Победили англичане: они сыгрались. В декабре школе плохо; денег нет, преподаватели все бедные: жалованья не было с начала года. Некоторые (семейные) преподаватели собираются уходить на службу в город.

Январь 1922 года. 3 января: посещение школы генералом Конгрив (lord Congrieve), командующим английскими войсками в Египте; ему передали отчет о работе школы с постоянной просьбой «денег». Он обещал передать эту просьбу своей жене, которая «завтра будет в школе».

4 января – приезд в школу lady Congrieve; угощение для нее – кофе,

стоимость 3 пиастра (30 копеек золотом) и то взятых взаймы у лавочника; в школе ни у кого не было денег: все бедные. Lady Congrieve была председателем Комитета помощи русским в Египте.

6 января – роспуск учеников на Рождество. Дети получили от нескольких благотворителей по 49 пиастров, а преподаватели – ничего. 9 января – англичане (полк Энсворта со штабом) устроили для русских детей елку в театре (20 фунтов – 200 рублей золотом) с угощением и подарками при военном оркестре. Большинство девочек были в национальных костюмах старой России: русских, украинских, мордовских, грузинских... Обе стороны были очень веселы и довольны: и англичане, и дети. Музыка, танцы, игры... Кроме самих устроителей, русских детей и преподавателей, никто на елку не был приглашен.

NB! Преподаватели школы (последний год): Афросимова А. О. (инспектриса), m-lle Боже, о. А. Волковский, Волков Н. К., Горский Д. Ф., Добрыня-Конюхов П. Я. (директор), Кожевникова З. Г., Машина В. П., Миллер А. А. и Н. В., Парманин Н. А., Петропавловский В. И., Пелехин П. П., Сербинова В.М., Попова В. П. Симановская Н. Г., Скерлетов Е. П., Ткаченко П. М., Фенина М. А. (секретарь совета), Шевченко З. В. и Шмелевская А. И.

12 января – получено для школы жалование преподавателям через английского коменданта. 50 фунтов от школы «Абет», принадлежащей Сирийскому благотворительному обществу св. Георгия. Препроводительное письмо подписано председателем общества, архиепископом Синайской горы Порфирием II (сирийцы не забыли прежней русской помощи их школам!). 12 января: танцевальный вечер и очень дешевая елка в школе – ответный вечер на елку англичан; оркестр балалаечников. Англичане пришли с подарками: тетрадами, карандашами, бумагой...

13 января: получено от Александрийского благотворительного комитета содержание школы за 3 месяца – 120 фунтов. Поздно вечером – в сочельник Нового года по старому стилю – жалование разнесено по квартирам сильно обедневших (и не ожидавших его в это время) преподавателей. Это всех подвеселило.

14 января – Новый год по старому стилю. Богослужение. Поздравления. Все в школе довольны. 16 января: в школу приехала неизвестная дама – гречанка. Привезла детям фрукты и игрушки. Подарков было меньше, чем оказалось детей. Из этого трудного положения дама вышла

ловко и с тактом. Видно, любит детей и знает их. Ей предложили в школе черного кофе в маленьких чашечках (здесь все на этом отыгрываются!). Дама побывала и в лагере «Д», и в церкви, и в театре – видимо, заинтересовалась русскими. Если этот интерес искренний и глубокий – это приятно. Если это только «мода на русских» – обидно. Мы, русские, большего стоим.

23 января – посланы в школу «Абет» архиепископу Профирию: благодарность, отчет о расходовании денег и расписки преподавателей в получении жалованья. В Российское консульство послали копии этих документов и оправдательные документы и расписки преподавателей за деньги, полученные через консульство от Александрийского благотворительного комитета (копии денежных операций школы послали также в английскую комендатуру). 24 января – снова приехала гречанка – m-me Команос (m-me Antoine Comanos, Alexandria, Bulkele). Привезла обувь для детей в школу лагеря «Д».

... Естественно, мне стало интересно, кто эта загадочная гречанка? Если это представительница богатого и аристократического рода, то, может быть, можно найти какие-либо сведения об этой семье в интернете? Поиск дал скудные, но весьма любопытные результаты. В интернет-каталоге Национальной библиотеки Франции поисковик выдал информацию о хранящихся там двух документах от некоего доктора Антуана Команоса (Antoine Comanos), уроженца Фессалии (Греция), 1852 года рождения. К документам имеется пометка, что этот человек переехал в Каир в 1877 году и служил медицинским консультантом хедива (правителя) Египта Аббас Хильми II. Фактически – православный грек Антуан Команос был лечащим врачом правителя Египта!

Благодаря этим сведениям, есть основания полагать, что упомянутая гречанка – мадам Антуан Команос (m-me Antoine Comanos), по всей вероятности, является женой этого доктора, который был известным врачом при дворе египетского правителя, а в начале 20-х годов минувшего века – уже довольно пожилым человеком. Но вернемся к дневнику П. Я. Добрыни-Конюхова:

«30 января – снова подарки от m-me Команос (обувь, одежда) детям и взрослым (чинам русской комендатуры). Хотела она в совершенно искренней сердечности делать подарки и преподавателям школы, но

мы помирились на положении: «Детям – сколько угодно, а преподавателей – не трожь!». Она добрая и сердечная женщина, простая в обращении, с легким желанием играть некоторую роль. Очень энергичная, но не властная. Дети ее полюбили; многие русские, иногда семьями начинают за ней ухаживать или по здешней терминологии «обольщать».

Февраль. 1 февраля: гости в школе (вечером) m-me Команос с детьми; mг Рид (Read) – директор английского колледжа «Виктория» и еще несколько иностранцев. Неизменное угощение – турецкий кофе, но еще и сэндвичи. Иностранцам понравилось русское искусство (по номерам «Жар-птицы» в Собрании, по стилю театрального занавеса; они удивлены, найдя в лагерях «кусочек настоящей России»). 8 февраля я был в колледже «Виктория» по приглашению mг Рида, получил разрешение приводить учеников в физический и химический кабинеты. 13 февраля: педагогический совет; еще один очередной гвалт со стороны руководительниц детского сада лагеря «А» (NB! С детским садом лагеря «Д» никогда никаких недоразумений не случалось; а тут дамы – не столько энергичные, сколько разговорчивые). 17 февраля: через английского коменданта получено для школы от принца Михаила Лютфалла 60 фунтов 35 1/2 пиастров. 24 февраля: послан отчет и расписки принцу Лютфалла и копии их – консулу и английскому коменданту. Посещение с учениками старших классов колледжа «Виктория», осмотр физического и химического классов и лаборатории. Общее впечатление: замысловатых приборов нет вовсе, а простых – достаточно много, чтобы ученики сами могли проделать многие опыты. Вполне здоровое начало по девизу: «Немного, но ясно!». 25 февраля: экскурсия в окрестности лагеря. 27 февраля: совет; принята печать школы, вырезанная на русском медном пятаке (едва нашли его!).

Март. 2, 3, 4 марта – говение. 20 марта – начало уроков (лекций) по начертательной геометрии. **21 марта** – лекция в школе «О теории относительности». 28 марта – солнечное затмение в 4 1/2 часа дня.

Апрель. 2 апреля (воскресенье) – литературно-музыкальное утро в школе лагеря «А». **8 апреля** (суббота): роспуск на Пасху. 10 апреля: получено от консула 40 фунтов. **15 апреля:** страстная суббота, заутреня в кампе (лагерь) «В». 16 апреля – первый день Пасхи. Приезд (неожиданный) в школу кампа «А» m-me Команос с пирожными для детей. 18 апреля: утро детского сада кампа «Д», гости, взрослые и дети.

Прошло очень мило. Конечно, была Команос. 28 апреля: разбор в консульском суде дела М.А. Шмелевского (*что за дело и что за человек, мне установить не удалось, – Е. З.*). Он оправдан. Снова официально объявлено об отъезде всех русских из Египта в Сербию, в Болгарию. На этот раз это, по-видимому, правда. Нервная работа в школе: добавочные уроки, лекции, окончание прохождения программ, репетиции, подготовка к экзаменам и т. д. Многие ученики выпускных классов (8 класса классических гимназий и 7 дополнительного класса реальных училищ) отказались держать экзамены в спешном порядке и взяли только свои четвертные аттестации.

Май прошел в экзаменах и проверках. Экзамены были по всем предметам только в выпускных классах и в 6 классе (по программе реальных училищ); в остальных классах – проверки по главным предметам. Выдано свидетельств и аттестатов (выпускных) – 10.

Июнь – окончание экзаменов и выдача свидетельств. Сборы. Почти перед самым отъездом удалось достать денег для уплаты жалованья преподавателям. Александрийский благотворительный комитет выдал школе всю сумму, которую обещал; но она составляла всего половину прошлогоднего содержания. Поэтому, несмотря на некоторые поступления извне, труд преподавателей не был вполне оплачен.

Июнь. 12 июня в 8 часов утра русские выехали поездом из лагерей Сиди-Бишра в Александрию, в гавань – для посадки на пароход. Мало кто оставался в Египте. Проводы были молчаливые и грустные. Мы, остающиеся в Египте, также мало завидовали отъезжающим, как и они – нам. Всем нам предстояла неизвестность, и грусть была от нового дробления. В 5 часов вечера пароход отошел».

В заключение Петр Яковлевич пишет: «Эти «Отрывки из дневника» вовсе не претендуют быть полными отчетами о школе (такие отчеты были своевременно посланы в Русское консульство в Александрии и в Египетское министерство народного просвещения). Тут нет ни панической почтительности перед начальством, ни коленопреклоненного восторга перед «знатными» иностранцами и их трогательной добротой, ни, наконец, истерического одобрения недостатков, только потому, что они живут в душе русского человека. Но все мы, русские, так много видели, и видели лживого и дурного, то невольно рады

отметить более резко что-нибудь хорошее и искреннее. В Русской школе в Египте было много недостатков, также как у всех нас, в ней работавших; в нашей работе было много «веселой борьбы», но она является источником энергии и искренности. У нас не было формализма; учеников называли не по фамилиям, а по именам. У нас не оказалось отметок по поведению, ибо в школе не должно быть преступников, а вполне нормальны маленькие «грешники». У нас часто на вопрос: «Ну, кто согрешил?» – виновный быстро и охотно отвечал: «Я». Ну, как его наказать после этого? Лучший способ подействовать на него: это добродушно его высмеять перед товарищами. Этим можно заставить его почувствовать стыд, а, следовательно, – и раскаяние...

А наказание, да еще часто построенное на злобе, способно вызвать ответную злобу...

Наша школа помогла детям выравняться и снова влиться (иногда после долгого перерыва) в нормальную жизнь в других школах. Русская школа в Сиди-Бишре, вполне сознавая свои недостатки, может честно сказать: «Feci, quod potui; faciant meliora potentes» (латинское крылатое выражение: «Я сделал, что смог, пусть те, кто смогут, сделают лучше», – Е. З.).

Египет, 1924.

П. Добрыня-Конюхов, бывший директор
Русской школы в Сиди-Бишре.

... Читая этот документ, я думала о том, что сама организация русской школы в тех условиях, да еще по сложной дореволюционной гимназической программе и программе реальных училищ, самоотверженный труд преподавателей – это самый настоящий подвиг. Подвиг во имя лучшего будущего для тех детей, которые волею судьбы оказались оторванными от Родины.

Оценка деятельности Петра Яковлевича, данная впоследствии его учеником и младшим другом Николаем Алексеевичем Старковским: «Заслуга русской колонии в Александрии была именно в сохранении на чужбине интеллигентности, порядочности и осмысленного подхода к жизни. Интересно, что горсточка образованных беженцев, страстно любивших Россию, несмотря на тяжелые материальные условия, старалась всеми силами сохранить и обогатить родную культуру и передать ее подрастающим поколениям».

«Много счастья и пиастров!»

Благодаря общению с автором книги «Русская Александрия» Геннадием Васильевичем Горячкиным, я виртуально познакомилась с Татьяной Дмитриевной Конн-Робертс. Это дочь русского эмигранта петербуржца Дмитрия Конна, с семьей которого в Александрии дружил мой двоюродный дед.

Татьяна Дмитриевна живет в Шотландии, сейчас на пенсии, а до этого много лет работала научным сотрудником в библиотеке Эдинбургского университета. Эта библиотека – одна из обширнейших в Европе, в которой Татьяна Конн опекала собрание книг и периодических изданий, предназначенных для тех, кто в Глазго изучает страны Центральной и Восточной Европы, главным образом – политику, экономику, историю, языки. Более 50000 томов в этом собрании, свыше 600 наименований русских, центрально- и восточноевропейских журналов. Ею систематизированы и описаны комплекты более 50 наименований выходящих в разных странах русскоязычных газет.

Татьяна Конн подарила автору книги «Русская Александрия» оригинал письма Петра Яковлевича, направленного ее отцу Дмитрию Анатольевичу 22 декабря 1952 года с улицы Ибн Яссар, 21, Клеопатра, Александрия.

Письмо, наряду с забавными рисунками, содержит шутивно-новогоднее поздравление, часть которого была адресована Тане, «маленькой, но уже коварной женщине». Тане Петр Яковлевич посылает иллюстрации (для игры) к сказкам. 1. Дед и репка. 2. Блоха. Далее в поздравлении П.Я. желает «всем здоровья, счастья и пиастров!».

Таня Робертс также нашла и прислала мне ссылки на научные статьи Добрыни-Коннохова, хранящиеся в фондах библиотек американских университетов, и еще ссылки на «сканы» со страниц журнала «На чужбине», где публиковались статьи, рисунки и карикатуры Петра Яковлевича. К сожалению, формат «сканов» малый, а при увеличении тексты размываются, увы, так на ресурсе-первоисточнике.

А вот ее письмо, в котором она вспоминает моего двоюродного деда: «Ваш родственник, Петр Яковлевич Добрыня-Коннохов, был мой «дядя Петя» и я его очень любила. Он был действительно добрый, симпатичный человек – и талантливый. Он хорошо знал моих родителей и моего

Копия-фрагментиле - изъ "Книги Писемль" - стр 1227
 С.и. также стр. 1201, 1195, 1144, 957 (Примѣры)

Графика:

Сводки

Графическая Сводка

- есть результат кропотливо анализа.
 Анализ - советовать не судить и осуждать.
 Анализ - это научно-безэмоциональный вывод из фактов, а факты - чуждые вещи.
 Графический Анализ - упрощает и облегчает работу вракало воспритиѣ и пониманиѣ.

Фпыты:

Въ моей лекторской и инструкторской практикѣ - Графическая Сводка и объясненія - всегда давали хорошия результаты.
 Для опредѣленія ихъ реакцій въ отдалённости - я показывалъ и читалъ ихъ несколькимъ (10-15) лицамъ.

- 1) Одинъ человекъ - заинтересованнѣшими лицами, а называлъ ихъ "набывальными": "Да, у васъ нѣтъ конкурентовъ."
- 2) Другой - допустить, что они могутъ пригодиться для школы, для аптеки... Но... "Зачѣмъ вы ихъ держите?"
- 3) Третий - сказалъ: "Хорошо, но - непонятно."

Реакции отдаленныхъ были:

- 4) Полное молчаніе.
- 5) Уходъ въ соседнюю комнату: "Спать, или... Бить мухъ (Правда!)"
- 6) Переводъ разговора на другія темы: "У васъ удивительно тѣткіи потерки... Тамъ вы праркашиваете ваши рисунки?... Неужели, алмазари?... Ну, - пора и по домамъ..."

Хочу знать Правду:

Неужели мои Графическіе Анализы - не имѣютъ никакой цѣльности и интереса?
 За отзывы объ моихъ работѣхъ (и объ моей жизни) - обижаться не хоту и не намерень, ибо - хорошо знаю, что всякій человекъ (я - первый) - можетъ дать только то, что имѣетъ, и что...
 - "Подъ хвостомъ - мѣда - не щипутъ"

Заключеніе (Неожиданное!)
 Sacramentum - zeni - vos - vivese - et - aquavit - osulari.
 (По) (рады) (вы) (пить) (я) (водѣ) (отки) П. Добрыня
 " Пора бы выпить и водочки. (М. Такъ думаютъ критики, моихъ работъ и моей жизни.)"

Рисованное письмо для маленькой Тани Конн.
 Добрыня-Конюхов, 40-е гг. XX века

дедушку, и мы все его очень любили. К сожалению, мои воспоминания детские – дядя Петя скончался в 1954 году (3-го апреля), когда мне было 8 лет. Он был холост. Он любил играть со мной, приносил конфеты для меня – и рисовал для меня. Он был чудный художник. Он знал английский язык, таким образом, он мог говорить с моей матерью. Она была шотландка и хорошо понимала русский язык, но стеснялась говорить. Он был доктор естественных наук – ученый, химик. Посылаю отдельно фотографию и письмо от него, адресованное моему отцу.

Я так рада, что Вы его не забываете и что его память сохранилась для потомков! Искренне Ваша Таня».

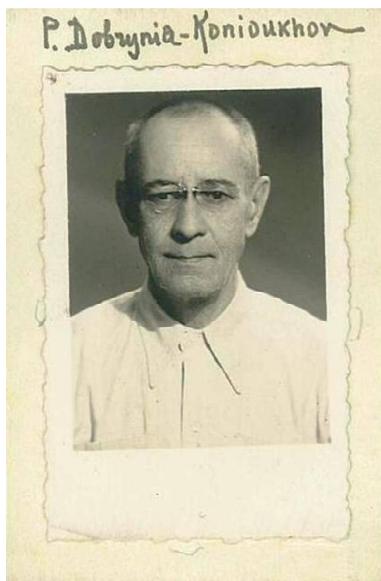
**«Desinteria phylologica»,
или «... он не был даже коммерсантом»**

Таня Конн-Робертс также нашла в архиве профессора А. Н. Фатеева копии писем П. Я. Добрыни-Конюхова, адресованные бывшему харьковскому профессору-каразинцу в Прагу. Письма датированы апрелем-маем

1924 года и из их содержания ясно, что это ответы на просьбы Фатеева поделиться некими учебными материалами и методическими разработками.

Это имя – Аркадий Николаевич Фатеев (1871–1952) в связке с моим двоюродным дедом появляется в данной истории уже не впервые. И из содержания писем следует, что они не просто общались, а были друзьями, Петр Яковлевич передает приветы его жене и семье, а Фатеев даже прибегал к помощи Петра Яковлевича при основании русскоязычной высшей школы в эмиграции.

Юрист и историк Аркадий Николаевич Фатеев – незаурядная личность. Выпускник Харьковского университета 1896 года. В 1900 году избран приват-

*П. Я. Добрыня-Конюхов,
1940-е гг. XX века.*

доцентом, а после защиты магистерской диссертации – профессором кафедры энциклопедии права и истории права. В этой должности оставался до конца 1919 года.

В журнале Каразинского университета «UNIVERSITATES. Наука и просвещение» (№ 1, 2010) в статье «Харьковская профессорская эмиграция 20–30-х годов XX века» отмечается, что профессор Фатеев изначально «с готовностью поддерживал начинания харьковской интеллигенции в деле распространения высшего образования: с момента основания читал лекции на харьковских Высших коммерческих курсах (с 1916 г. – Коммерческий институт) и на других временных курсах». Харьков профессор покинул, очевидно, в декабре 1919 года. Его эмигрантский маршрут: Харьков – Новороссийск – Александрия – Белград – Прага.

Новой родиной для Аркадия Николаевича стала Чехословакия, куда он приехал в 1922 году. Здесь профессор Фатеев преподавал на русском юридическом факультете, в Русском институте сельскохозяйственной кооперации, Русском народном университете, читал лекции на семинарах по общей теории права, административному праву, по организации государства.

Одновременно с чтением лекций он организовал семинарий, на котором велись практические занятия со студентами. Семинарий пользовался у студентов популярностью, поскольку помогал им комплексно изучать историю формирования системы права в каждой отдельно взятой стране (по выбору) с учетом ее специфики – территории, населения, религии и т. д.

В сферу его научных интересов входили проблемы экономики, права, социологии, социальной географии, истории.

Материалами П. Я. Добрыни-Конюхова он, по всей видимости, заинтересовался, будучи членом Учебной коллегии при Комитете по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике.

Можно предположить, что речь идет о педагогических разработках моего двоюродного деда.

«Дорогой Аркадий Николаевич! Посылаю Вам плохие копии некоторых моих работ, – пишет П. Я. Добрыня-Конюхов 3 апреля 1924 года и даже пытается шутить: – Лучших копий приготовить сейчас не могу, потому что сейчас я бедный (во всяком случае, беднотой «Демьяна

Бедного»). Работы были назначены для добывания куска хлеба (без масла), хотя толку от того пока не вижу, но не унываю.

Думаю послать так: 1) в Египетское министерство в надежде получить хоть какую-то «просветительную работу» (например должность уличного зажигающего фонарей) и 2) на международный педагогический съезд – сюда уже без всяких надежд, а на случай. Хотел было послать в Русское педагогическое бюро, да воздержался: не ко двору там мои приемы: россияне, судя по их бюллетеням – еще не освободились от недуга, унаследованного (и любовно охраняемого) от покойной бабушки Схоластики; имя этого недуга «Desinteria phylologica». Примечание: филолог в переводе значит: «любитель языков»; если иметь в виду языки под хреном, то это специальность узкая и притом совершенно гастрономическая.

Какая польза для меня будет от моих писаний – не знаю. Если бы я имел средства Демьяна Бедного, я брал бы уроки за отличную плату у опытного мошенника, чтобы самому сделаться хоть средним коммерсантом. Но это неосуществимо. И я буду доволен, если на моем дешевом надгробном памятнике будет сделана надпись: «Он не был ни общественным деятелем, ни даже коммерсантом». Это будет лучшая эпитафия. Ваш П. Добрыня-Конюхов».

Мы не знаем, что написал в ответ профессор Фатеев, но в его архиве сохранилось еще одно письмо моего двоюродного деда, датированное 29 мая 1924 года:

«Дорогой Аркадий Николаевич, письмо Ваше получил и оно меня очень «подвеселило». Посылаю Вам еще копии (оригиналы у меня сделаны на кальке и копий можно получить сколько угодно; эти копии из экономии и для скорости сделаны на самодельной бумаге; если ими недовольны, я пришлю хорошие). Ожидаю Ваших статей. Привет и пожелания здоровья и счастья В. М. и всей Вашей семье. Ваш П. Добрыня-Конюхов».

В целом русская эмиграция в Чехословакии как культурное и интеллектуальное явление и созданные ею вузы прекратили свое существование после Второй мировой войны. Большинство видных деятелей были арестованы и репатриированы в СССР. Но Аркадию Николаевичу каким-то образом удалось избежать такой судьбы.

Как подчеркивает историк Татьяна Павлова в статье «Харьковская

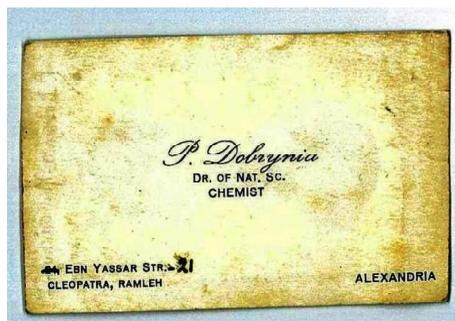
профессорская эмиграция 20–30-х годов XX века», после окончания гражданской войны из Харькова эмигрировала большая группа университетских преподавателей. Жизнь на чужбине оказалась для них непростой, а приютившие их страны воспринимались как временное пристанище. Но большинство из них не затерялось в многотысячном море беженцев из России. Их знания и опыт послужили развитию культуры и образования в этих странах. Их биографии и научное наследие ждут своих исследователей.

Архив Емельянова

И все же мне не дает покоя загадка: о каких материалах идет речь в переписке Аркадия Фатеева и Петра Добрыни-Конюхова?

Возможно, свет на эти материалы может пролить Гуверовский институт войны, революции и мира (англ. Hoover Institution on War, Revolution and Peace) – политический исследовательский центр в США, который входит в систему Стэнфордского университета.

Многие эмигрантские документы пропали во время Второй мировой войны, поэтому в послевоенные годы появилась настоятельная потребность собрать то, что уцелело. Музей русской культуры в Сан-Франциско был основан в 1948 году для хранения документов русской истории и предметов русской культуры. За последние 50 лет музей приобрел уникальные исторические материалы, прежде всего относящиеся к российской послереволюционной эмиграции, а также к дореволюционной России и к периоду гражданской войны. Небольшое количество материалов, в основном мемуары эмигрантов второй волны и переписка 1920–1930-х годов, отражают советскую жизнь.

*Визитная карточка
П. Я. Добрыни-Конюхова.
Из личного архива Т. Конн*

В 1999 году Гуверовский институт получил щедрый грант Национального фонда развития гуманитарных наук для проведения

в жизнь совместного проекта по обработке и микрофильмированию наиболее важных коллекций Музея русской культуры. Основной целью проекта является обеспечение научной работы с микрофильмами коллекций музея в читальном зале Гуверовского архива. Оригиналы хранятся в музее.

Библиотека Гуверовского института является одним из крупнейших зарубежных хранилищ по истории России периода Первой мировой войны и Октябрьской революции. Среди этих документов – личные фонды и отдельные документы таких видных общественных и политических деятелей России и Белого движения, как генералы П. Н. Врангель и Л. Г. Корнилов, председатель Временного правительства А. Ф. Керенский, князь Г. Е. Львов, граф В. Н. Коковцов, русский посол в Париже В. А. Маклаков, русский дипломат М. Н. Гирс, генерал Н. Н. Юденич и многие другие.

Фамилию Добрыня-Конюхов мы с Таней Конн-Робертс обнаружили в фондах, относящихся к еще одному незаурядному человеку и ученому-экономисту, выдающемуся специалисту в области экономической теории кооперации – Ивану Васильевичу Емельянову (1880–1945).

Сибиряк из Тобольска, получивший высшее образование в Киевском политехническом институте, он в 1917 году был избран членом Харьковской губернской земской управы и председателем правления Харьковской губернской земской кассы мелкого кредита. В сентябре 1919 года при Белой власти Емельянов был назначен председателем Харьковской губернской земской управы. По прибытии в Прагу в 1921 году он принял участие в создании Русского института сельскохозяйственной кооперации (где до 1927 г. был заместителем директора). А, как мы знаем, в этом же институте преподавал и профессор Аркадий Фатеев. Однако далее их пути разошлись.

Эмигрировав в США по приглашению Рутгерского университета, Емельянов преподавал там до 1933 года, а затем работал в различных государственных учреждениях на должности экономиста. В 1942 году он защитил докторскую диссертацию в Колумбийском университете по теме «Экономическая теория кооперации».

Коллекция архива Ивана Емельянова состоит из трудов и корреспонденции, связанных с его научной и общественной деятельностью как в Чехословакии (1921–1927), так и в США (1927–1945). Его жена,

Наталья Емельянова, была химиком по профессии, и коллекция содержит ряд ее научных публикаций, а также биографические сведения и переписку, детализирующую ее причастность к эмигрантской жизни. В одном из фондов этой коллекции (box 10, Folder 5) хранятся документы под названием «Dobrynia-Koniukhov, P. Collection of his writings and scientific sketches».

Особенно значимо, что в архиве Ивана Емельянова эти документы соседствуют с документами и письмами таких выдающихся людей, как социолог и культуролог, один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности Питирим Сорокин (1889–1968) и историк Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973), сын В. И. Вернадского.

Все они представляют неповторимую (и, увы, теперь уже не воспроизводимую) научную и культурную ауру интеллектуальной элиты русского зарубежья. И моему двоюродному деду отведено среди них скромное, но прочное место.

Раз это так и профессор А. Н. Фатеев даже просил моего двоюродного деда прислать ему свои методические разработки по педагогике, то, наверняка, Петр Яковлевич получал и приглашения переехать в Прагу для научной и преподавательской работы. Но не уехал. Ни в Белград, ни в Прагу, ни в Париж. Дядя Петя остался в Египте. Почему?

«Венок из слов...»

Книга Г. В. Горячкина «Русская Александрия» после презентации в Доме русского зарубежья произвела настоящий фурор среди потомков эмигрантов и всех, кто интересуется историей русской эмиграции «первой волны».

Об исследовании «Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте» стало известно в США, Франции, Англии, Швейцарии, ЮАР. Автору посыпались письма со всех концов земного шара. И одно из них для меня и всей нашей семьи оказалось воистину бесценным.

В конце марта 2011 года с автором книги «Русская Александрия», профессором Горячкиным связался один из «последних могикиан» русской эмиграции в Египте – 90-летний «американский русский» Николай Алексеевич Старковский (1922–2013).

Сын русских эмигрантов, как и другие беженцы из России, вырос в нужде, но Николаю Старковскому удалось поступить в Каирский университет и стать учёным-химиком, а затем уехать работать в США.

Благодаря Геннадию Васильевичу Горячкину, который виртуально познакомил нас, мне выпало счастье общаться с Николаем Алексеевичем по переписке, с 2011 года и вплоть до его болезни и кончины в 2013 году.

Николай Алексеевич Старковский назвал моего двоюродного деда П. Я. Добрыню-Конюхова своим учителем.

Сам он прожил в США полвека. Сделал неплохую карьеру как исследователь-химик, опубликовал свыше 40 научных трудов, завоевав известность не только в Америке, но и за ее пределами своими исследованиями. Он был органическим химиком, как его любимый учитель П. Я. Добрыня-Конюхов. Николай Алексеевич написал мне, что «последовательно работал в следующих областях науки: фармакогнозия, синтез антибиотиков, химиотерапия рака, химические исследования наркотиков, синтез простых аналогов ДНК и РНК, вирусология, гормоны беременности и патология плода, применение радиоактивных меток в анализе биологических молекул и внедрение новейших открытий в практику медицины». Занимался исследованиями в Колумбийском университете и Университете Джорджа Мейсона (США). Видный член Химического общества США. Член многих научных обществ и ассоциаций, как американских, так и международных. Известны его многочисленные научные публикации на русском, английском, французском и арабском языках. Отличительная черта интеллигента, по его мнению, «любопытность и изобилие интересов в области Знания (так Николай Алексеевич писал это слово с большой буквы! – Е. З.)».

Популярность у массового читателя Николай Старковский приобрел, благодаря оригинальному переводу Корана на английский язык: «The Koran Handbook: An Annotated Translation» (2005). Этот русский человек, выросший в Египте, как говорится в аннотации к американскому изданию, сумел сделать «доступными и понятными для множества англоязычных читателей внутреннюю логику и поэтику главной книги Ислама».

Из писем Н. А. Старковского, которые я получила от него летом 2011 года:

«Среди группы интеллигентов выделялись Добрыня-Конюхов; Ладинский (*Антонин Петрович Ладинский (1896–1961) – русский поэт «первой волны» эмиграции и автор популярных исторических романов о Римской империи, Византии и Киевской Руси, – Е. З.*), пока не уехал в Париж и оттуда в СССР; сестры Голенищевы-Кутузовы (*известный русский графский род, – Е. З.*), мой отец Старковский, мой будущий отчим С.А. Золотарев, мой крестный отец А. А. Виддинов и, наездом, И. Я. Билибин (*Иван Яковлевич Билибин (1876–1942) – русский художник, книжный иллюстратор и театральный оформитель, участник объединения «Мир искусства», – Е. З.*)».

Боже мой, какое созвездие блистательных имен!

«В 1994 году я побывал в Москве и как американец, растленный буржуазной средой, был здорово удивлен грязью на улицах и в уборных, видом пьяниц, свободно шляющихся по улицам, грубостью обывателей, канителью в магазинах и много еще чем, так что вид у меня был, наверное, грустным и потерянным. На станции «Маяковская» ко мне подошел незнакомец средних лет, обнял меня и сказал, что он счастлив, наконец, встретиться с настоящим русским человеком. Посмотрел на меня пристально, быстро нырнул в толпу и исчез. Комментарии излишни. В свою очередь я счастлив, что встретил в Вашем лице человека, который правильно, абсолютно правильно, понял и оценил нашего героя – П. Я. Добрыню-Конюхова. Но не исчезайте в толпе, не молвив слово в его защиту и не познакомив с его образом русского интеллигента, хотя бы одного человека в Вашем кругу или вне его», – так Николай Алексеевич Старковский недвусмысленно дал мне понять, что мой человеческий долг и обязанность потомка написать о П. Я. Добрыне-Конюхове и тем самым принять из-за океана эстафету сохранения памяти о нем.

«Одна из моих любимых книг «Мастер и Маргарита». Там изображены бездарные сочинители и поэты, выполнявшие социальный заказ. И описан один вдохновленный человек, некоторые черты которого напоминали мне Петра Яковлевича. Да, «рукописи не горят». Мне очень жаль, что основные работы П. Я. где-то затерялись. Мне жаль, что

пропали листочки из его «Находчивой книги» по органической химии. С помощью остроумных рожниц он представил основу органической химии в виде связей, отталкиваний, перестроек между атомами: черными «С», красными «О» и рыжими «S». В момент моего отлета в Америку, в аэропорту Каира, сыскная полиция отобрала у меня несколько книг и все рукописи. За сто долларов часть мне тут же вернули, но письма и рисунки Добрыни-Конюхова пропали».

«Интеллигенция существовала, по крайней мере, с периода расцвета греческой культуры. Для меня Аристотель, Платон вместе с замечательными учеными их времени были полноценными интеллигентами. Французские философы эпохи Просвещения были интеллигентными людьми. Русские писатели и публицисты XIX века прославились интеллигентностью... Я много читал о смысле жизни человека. Меня интересовало в высшей степени, как лучшие умы понимали интеллигентность. Недавно я перечитывал двух английских авторов XIX века – Джона Стюарта Милля (1806–1873, британский философ, социолог, экономист и политический деятель. Внес основополагающий вклад в философию либерализма, – Е. З.) и Мэттью Арнольда (1822–1888, английский поэт и культуролог, один из наиболее авторитетных литературоведов и эссеистов викторианского периода, – Е. З.). Их взгляды на развитие человека были противоположны, но их взгляды на предназначение человека в жизни совпадали:

«Назначение человека в наиболее высоком и гармоничном развитии до полной и последовательной цельности» (Милль).

«Совершенство (человека) в гармоничном развитии его способностей, придающих красоту и ценность человеческой природе» (Арнольд).

Кто же наиболее приближался к идеалу Милля и Арнольда? Тот, кого мы называем интеллигентным человеком! Например, П. Я. Добрыня-Конюхов!».

«Вопрос: жил ли Петр Яковлевич в нужде? Да! В острой нужде! Ему недоставало людей, разделяющих хотя бы часть его взглядов на жизнь, и занятий, требующих высших умственных способностей, и, конечно, обширной русской интеллигентной среды».

«Вопрос: был ли он убежденным православным? Да! Он видел в православии не только часть русской культуры, но и основу ее. Для него «русскость» была немыслима без православия. Он считал, что

исполнение церковных обрядов без излишеств и ханжества необходимо для поддержки единства и целостности русского народа. Был ли он человеком глубоко религиозным? Прежде, чем ответить, следует указать, что основное духовное и умственное расположение всесторонне образованного человека к отвлеченным вопросам беспрерывно меняется. С продвижением науки интеллигентные люди все больше склоняются к научному подходу к жизни и ее проявлениям, тем более, если они – ученые по образованию и призванию. Среди ученых есть атеисты и скептики. Скептики считают, что вопрос о существовании потустороннего мира стоит вне науки и, следовательно, на него нельзя отвечать решительным отрицанием. Вера в Создателя не противоречит науке, раз она не соприкасается с ней, и ученый может верить, если ему верится, не нарушая свою верность науке. Петр Яковлевич, думаю, прошел через «горнило сомнений», но в итоге он остался именно таким скептиком. Это не мешало ему знать Священное писание. Любил он главным образом этические пассажи, как, например: «Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте» (послание к Филиппийцам 4:8)».

И, наконец, пришло еще одно великолепное письмо престарелого американского ученого, в котором Николай Алексеевич обращается с прямой речью к Петру Яковлевичу как к своему духовному наставнику и безупречному примеру в жизни:

«Мне скоро будет 90 лет. Я прожил счастливую и богатую жизнь, благодаря моим русским интеллигентным воспитателям, среди которых были Вы, Петр Яковлевич. Вместо венка из быстро сохнувших роз, я сплел для Вас венок из слов. Всю жизнь Вы были заняты мыслями о судьбе людей и о Вашем месте среди них. Неумоимо Вы оттачивали свои мысли, излагая их на бумаге, стараясь лучше понять себя самого. Я делал то же самое, следуя за Вами...

Вы не переносили тщеславия, мещанства, многословия и терпеть не могли зануд, сплетников и хвастунов. Как я Вас понимаю, я – тоже!

Никакие соображения не мешали Вам говорить то, что Вы думаете; поэтому некоторые люди бежали от Вас в Вашем узком кругу... Я старался тоже быть откровенным и прямым, но в моем широком кругу многие достойные люди приближались ко мне.

Вы любили море – кусочек его был виден из окна Вашей квартирки под крышей. Море – это то, что и я больше всего люблю на свете. Исплавал десятки озер, морей и океанов, но к искусственным бассейнам никогда не подходил из брезгливости.

Вы никогда не были в баре или увеселительном учреждении. Я – тоже.

Вы никогда не потребляли спиртных напитков. Я – тоже.

Как человек, привыкший к обществу воспитанных людей, Вы никогда не пили воду и прохладительных напитков прямо из баночки или бутылки, как это делается сейчас во всем мире. Я тоже пью только из стакана.

Мы прекрасно общались друг с другом, но никогда не говорили на личные темы.

Вы не любили фотографироваться, потому что видели в этом бахвальство. Я снимал других, но сам избегал попадать в объектив, если только это не было для паспорта.

Вы часто пользовались микроскопом – у меня до сих пор стоит на столе старый Цейсс.

Вы жили книгами. Я – тоже, и до сих пор у меня на полках – тысячи моих друзей, с которыми расстаться не могу.

Вы считали, что воспоминания расслабляют психику, как бы размагничивают мозг. Я всеми силами старался не предаваться воспоминаниям и неосуществимым мечтам, но иногда меня одолевала выходящая из-под контроля непокорная память».

Н. А. Старковский также прислал мне в Харьков свои воспоминания о Петре Яковлевиче Добрыне-Конюхове, написанные для коллег ученых-химиков еще в 1994 году, к 40-летию со дня смерти моего двоюродного деда.

Из этих записок я узнала много новой информации. В частности, что Добрыня-Конюхов в Египте со временем устроился работать по своей специальности – в лабораторию Манташева, принадлежавшей крупным нефтепромышленникам братьям Манташевым.

Я не поленилась поискать сведения и об этих людях. До революции 1917 года основатель семьи был акционером ряда нефтепромышленных обществ (в том числе «Товарищества братьев Нобель»)

и банков, крупным землевладельцем и домовладельцем. Основными наследниками его были четыре сына, которые после Октябрьской революции 1917 эмигрировали. Лучшую характеристику Левону Манташеву тех времён дал его близкий друг Алексей Толстой в своём романе «Эмигранты»: «Нефтяной магнат, расточитель миллионов, липнувших к нему безо всякого, казалось, с его стороны усилия, человек с неожиданными фантазиями, лошадиник, рослый красавец. Он занимал апартаменты в одном из самых дорогих отелей – «Карлтон» на Елисейских полях, и только это обстоятельство еще поддерживало его кредит в мелких учетных конторах, ресторанах, у портных. Но окружение кредиторов непреклонно сжималось, душило его ночными кошмарами...».

Компания и поныне существует. Правда, теперь она известна как Exxon Mobil Corporation – крупнейшая американская частная нефтяная компания, одна из крупнейших корпораций в мире по размеру рыночной капитализации. О дальнейшей судьбе потомков ее первых владельцев я сведений не нашла.

Но вернемся к запискам Старковского. Они настолько подробны и интересны, что есть все основания воспроизвести их полностью (с сохранением языка и стиля).

Библиотека таинственной «графини с немецкой фамилией»

Посвящаю памяти моего учителя Петра Яковлевича Добрыни-Конюхова (1877–1954)

*(Воспоминания Николая Алексеевича Старковского).
Март 1994 года.*

Мой Добрыня был заманен из Киевской Руси на берег Средиземного моря. Органический химик, ученик Реформацкого (*правильно написать: С. Н. Реформатский – выдающийся химик, профессор Киевского университета с 1891 по 1934 гг. – Е. З.*), он прибыл в Египет с военным госпиталем, эвакуированным в 1920 г. Бывший офицер Белой армии, раненый, он работал в Александрии в нефтяной компании Манташева, ставшей потом ESSO (EXXON). Был одинок, жил в крайне примитивных условиях в прачечной, переделанной в квартирку на крыше дома

в прибрежном пригороде Клеопатра. У него был кухонный, он же – рабочий стол, пара стульев и жесткая складная койка. Шкафа не было. У него было только две смены белья. Одна носилась, другая ежедневно им стиралась. На стене – репродукции Левитана и Васнецова. На стене иконка с прицепленным к ней Георгиевским крестом. Питался П. Я. донельзя скромно. Закалялся тем, что каждый день на заре, зимой и летом плавал в море.

П. Я. сильно затягивал поясом свое тело, высохшее почти до костей. Держался он чопорно. Лицо у него было загорелое, суровое, в глубоких морщинах. Губы были поджаты. Я не помню его смеющимся. За стеклами пенсне таились испытующие глаза. Некоторые считали его чудачком, но большинство просто блаженным. Чистоту и порядок он ценил до крайности, как в своем быту, так и в своих мыслях.

В первые годы эмиграции некая русская графиня с немецкой фамилией, проездом в Америку оставила ему на хранение свою русскую библиотеку. Для этих книг, а их было несколько тысяч, П. Я. снимал в центре города хорошую квартиру. Там он читал лекции, вел дискуссии и устраивал Дни русской культуры. Но жизнь скоро стала заедать его знакомых и посещаемость сошла на нет. Вначале он разрешал некоторым избранным читать его книги, но он запрещал брать книги на дом и требовал, чтобы читали за столом, сидя на твердом стуле. После пропажи 2–3-х книг, он вывесил на дверях список нежеланных посетителей и вскоре после этого закрыл библиотеку для всех.

П. Я. терпеть не мог развлечения, вечеринки, празднование именин, игру в карты и даже в шахматы. На провинившихся он рисовал злобные карикатуры. На дверях его квартиры в Клеопатре красовалась надпись: «Без приглашения не принимаю». За каких-нибудь десять лет он потерял всех знакомых и остался совершенно один.

Жил П. Я. по графику. После службы он отправлялся к своим книгам, чтобы их читать и приводить их в порядок. Затем он покупал вечернюю газету *La boursee Egyptienne* и читал ее в трамвае по дороге домой. Приехавши, он складывал ее и возвращал на станции мальчику-газетчику, чтобы он продал ее и заработал лишний пиастр. Купивши по дороге хлеб и молоко, П.Я. взбирался на свой чердак, варил себе овсянку на примусе и заваривал чай. Во все, что он ни ел, он прибавлял каплю раствора йода.

Вечером он думал, читал и делал записи в своих журналах удивительно ровным бисерным почерком. Он любил говорить, что для утомленного ума нет лучше способа отдохнуть, как медленно писать красивой вязью или вышивать по канве.* (*Я привез с собой в США образцы моих собственных вышивок по канве).

Он также считал напечатанное слово и линию, проведенную по линейке, безжизненными и непригодными в письмах.

В своих разлинованных тетрадах, собранных в объемистые тома, он рисовал и раскрашивал акварелью удивительные миниатюры. В церкви висела икона Спасителя его руки, писаная так, что выражение его лика как бы менялось от настроения наблюдателя. После себя П. Я оставил десяток таких томов, оригинальное пособие по химии и разборы художественной литературы.

Я получил разрешение посещать его квартиру, когда я бывал в Александрии (с 1940 г. я жил в Каире, П. Я. знал меня с детства). За чаем он говорил о России и ее культуре. Он изображал литературные типы так красочно, что вот-вот, казалось, будет стук в дверь и войдут Иван Карамзев или князь Мышкин. Его любимцами были Достоевский и из иностранцев Гете.

О России он никогда не говорил по шаблону, что, мол, «русский народ особенный, лучше других» или, что, мол, «русские спасут весь мир», но после его бесед я сам чувствовал себя более русским.

В своих беседах и монологах Добрыня оживлялся и, если он говорил, например, о «Войне и мире», он чертил по листу оберточной бумаги всевозможные нити между героями, причем некоторые связи никогда никем не были, наверное, замечены. Паутина нитей превращала роман в клубок. Этот клубок соединялся с другими клубками произведений Толстого от «Детства» до последних сказов для крестьянских детей. В конце концов, все творчество Толстого превращалось в единый клубок связей, который вводился в общую картину русской культуры, где он занимал неперемovable место, так что, если бы его не было, там, в культуре, осталось бы белое пятно.

Пророчески Добрыня говорил, что невозможно передать другим свой жизненный опыт. Передаются труды опубликованные, но главное выражено в заметках, набросках, письмах – результаты долгой работы над собой. И это все выбрасывается с мусором.

За несколько лет до смерти он стал беспокоиться за книги. Он предложил сделать меня своим наследником, но я отказался, не будучи уверенным в своем будущем в Египте.

Он тогда обратился в посольство СССР, но поставил неприемлемое для него условие: чтобы вся библиотека и весь архив были целиком переданы в Киевский университет. Кончилось тем, что он все отдал Каирскому университету, моей alma mater.

Когда он умер, комиссия в составе библиотекаря и адвоката университета и меня поехала в Александрию. Мы еле успели на кладбище. Там было двое русских и грек-священник. Я сказал несколько прощальных слов по-русски и по-арабски.

Все состояние Добрыни пошло на склад университета (кто-то сверху решил, что разборкой займутся когда-нибудь египетские студенты, будущие русисты). Так что я ничего не знаю о судьбе его книг и бумаг.

Университет был приятно поражен: у П.Я. оказалась в сберегательной кассе колоссальная по тому времени сумма в 40 000 египетских фунтов (примерно 160 тысяч долларов). Оказывается, графиня оставила Добрыне деньги на содержание библиотеки, но он, конечно, не истратил из этой суммы ни гроша, а только прибавлял к ней свои сбережения, причем, об этом никто не знал.

Н. А. Старковский.

Вот так и раскрылась история с «Александрийской библиотекой», о которой десятилетиями помнили в нашей семье. Становится понятным, почему П. Я. Добрыня-Конюхов не покинул Александрию и не уехал, подобно иным пассажирам парохода «Саратов», дальше, например, в Прагу или Париж.

Получается, он всю жизнь оставался верным слову беречь библиотеку русских книг, своему обещанию, данному таинственной «графине»!

Следы ведут в Каир

И тут появились новые загадки. Кто была эта графиня, как ее звали, какого графского рода? А может, эта дама носила иной аристократический титул?

Здесь я могу только строить версии. Так, после того, как я обнаружила информацию о П. Я. Добрыне-Конюхове на своей странице в Живом интернет-журнале, мне написала выпускница факультета журналистики МГУ Мария Куринная.

Мария как раз завершала литературную обработку мемуаров «Приключение, длиною в жизнь» еще одного русского «александрийца» Владимира Константиновича Козловского, живущего ныне в Швейцарии. Это поразительно, но и ее герой помнит моего двоюродного деда!

«...необыкновенный человек, бывавший у нас в доме, это Петр Яковлевич Добрыня-Конюхов, – вспоминает Владимир Козловский. – Своей ученостью на грани одержимости он выделялся даже среди интеллектуальных сливок нашего общества. Но был, что называется, со странностями. Добрыня-Конюхов вел аскетический образ жизни, помню, что он круглый год ходил без носков, любую обувь надевал на босу ногу. А зимой в Александрии температура опускалась иногда до +5 градусов. Добрыня чудно рисовал, он делал красивейшие открытки и дарил их, я жалею, что ничего у меня не сохранилось. И, конечно, всех потрясала его фантастическая ученость: он прекрасно знал историю Верхнего Египта и умел читать иероглифы. Он много писал, публиковался, если ничего не путаю, в знаменитой парижской газете эмигрантов «Русская мысль».

И вот в этих же мемуарах Владимир Константинович упоминает, что его отец Константин Козловский работал в Александрии администратором отеля, который принадлежал «одной русской княгине». И та княгиня, по его воспоминаниям, была не только центром притяжения русских эмигрантов, но и хранительницей русской культуры, у нее была

коллекция русских изданий, в том числе и редких, которые до революции она выписывала из России.

Конечно, не факт, что речь в воспоминаниях Козловского идет о том же книжном собрании, хранителем которого волею судьбы оказался Добрыня-Конюхов.

Но я невольно пытаюсь ухватиться за эту тоненькую «ниточку»!

В памяти юноши Старковского с годами «княгиня» вполне могла превратиться в «графиню». К тому же я с трудом представляю себе, как некая русская аристократка, даже с помощью слуг, в условиях панического бегства и столпотворения в Новороссийске, умудрилась погрузить огромное количество книг на переполненный пароход «Саратов», где каждое пассажирское и багажное место были на вес золота. Ведь люди бежали от ужасов Гражданской войны, бросив все свое имущество...

А что, если книги еще с дореволюционных времен собирала «княгиня» – владелица отеля в Египте? Почему бы и нет?!

Более того, по словам Владимира Козловского, спустя некоторое время, хозяйка гостиницы то ли заболела, то ли уехала и свой отель продала. Собрание русских книг – не гостиница, которую могли купить француз, итальянец или египтянин. А среди небогатой русской эмиграции вряд ли нашлись покупатели целой библиотеки, русские люди в Александрии выживали трудно, даже те, кому удавалось найти приличную работу.

Может, она продала отель, уехала в США, а библиотеку доверила хранить Добрыне-Конюхову в надежде когда-нибудь за ней вернуться? Полагаю, эта версия имеет право на жизнь. Однако имя «княгини» Козловский тоже не помнит.

Есть еще один вопрос, на который нет ответа. Где же теперь это книжное собрание, а также обширное рукописное наследие П. Я. Добрыни-Конюхова, доставшееся Каирскому университету?

Таня Робертс по моей просьбе отправляла запрос директору университетской библиотеки в Каире, но ответа не получила.

Николаас Старковски и Г.В. Горячкин предполагают, что и библиотека, и записки пропали. Со дня смерти моего двоюродного деда минуло более 60 лет, сменилось несколько поколений библиотекарей в Каирском университете, и уже вряд ли живы те, кто способен вспомнить, куда сложили его наследие.

НА ЧУЖБИНѢ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 4 ОКТЯБРЬ 1921

СОДЕРЖАНИЕ.

1. НАЕДЪЛА Общественная жизнь русской колонии в Каире. Стенограмма совещания Русского Клуба при Провидетельском Обществе. К студентам. Изъяснение Златко в Чужбине. Родом и данъ в "Людоед и Египетское общество. Кавказ. Сатирическое общество. Повесть русскаго школьнаго дѣла в Египтѣ. К родолюбивой кооперации в "Русскій театр в Сидней. Дѣтскіе спектакли. Телетрыляная хроника. Споръ Лаврентія Хроника.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.
- 6.
- 7.
- 8.
- 9.
- 10.
- 11.
- 12.
- 13.
- 14.
- 15.
- 16.
- 17.
- 18.
- 19.
- 20.
- 21.
- 22.

Обложка и карикатуры П. Я. Добрыни-Конюхова.

Изданіе

РУССКАГО КЛУБА РУССКО-ПРОВИДЕТЕЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА.

СПИСКЪ ПИИТЕ.

№ 58 262

*Эмигрантский журнал
«На чужбине». Обложка
П.Я. Добрыни-Конюхова*

*Эмигрантский журнал
«На чужбине», карикатуры
П.Я. Добрыни-Конюхова*

Из писем Н. А. Старковского, полученных мною в 2011 году: «Нечего заниматься гробокопательством. Это не понравилось бы Петру Яковлевичу. Нечего терять время на поиски места, где его похоронили, или надписи на его могиле. Если подумать, то это к нему не относится. Он говорил мне незадолго до смерти, что будет рад, если его прах смешается с исторической египетской землей. Вот что я знаю: похоронили его на том же кладбище, что и моего отца. По правилам древнего кладбища, останки похороненных переносились в общую могилу, а в освобожденное место вселяли нового умершего, и это продолжалось много лет. В 1930-х годах с участием русского благотворительного общества был построен склеп, в котором складывались в стандартных ящиках останки русских людей. Число мест было ограничено. Спустили ли в тот склеп останки Петра Яковлевича, я не знаю – могло не быть уже места или о нем никто не вспомнил. Нечего думать об этом! Займемся важным делом.

Давайте продолжать строить ему памятник нерукотворный! Этот

памятник сейчас в Вашем сердце. Этот памятник – память о Петре Яковлевиче, живая жизненносущая память. Так вот, сосредотачивайтесь на ней, и не ищите ничего там, где уже ничего нет.

Сам Петр Яковлевич был человеком скромным и смотрел на себя как на часть русской интеллигенции, которая была и останется частью, а то и украшением подлинной русской культуры. У этой интеллигенции следует учиться и ее надо бережно хранить, и пытаться передать хоть что-нибудь от нее подрастающему поколению. В этом и состояло настоящее завещание Петра Яковлевича, и в этом – памятник ему».

А вот профессор Каразинского университета в Харькове, один из лучших историков-источниковедов Украины и мой друг Сергей Михайлович Куделко, думает, что, возможно, и книги, и ученые записки «просто покоятся где-нибудь в библиотечных подвалах-хранилищах, всеми забытые. И могут еще быть случайно найдены.

Лет через сто...

Из письма Николая Алексеевича Старковского, полученного мною в 2011 году: ***«Вопрос: был ли Петр Яковлевич Добрыня-Конюхов оптимистом? Да! Несмотря на то, что его жизнь была полна разочарований и тяжелых переживаний, перед ним всегда светил негасимый огонек, зовущий его радоваться миру – лучшему из миров, раз другого мира нет...»***.

Григорий – Георгиевское оружие с надписью «За храбрость»

Союз георгиевских кавалеров Российской империи (1917)

– Твой дед был полковник, награжденный золотым оружием с надписью «За храбрость». Такие награды давали только за необычные подвиги, – об этом я слышала от мамы еще в детстве. И представляла «золотое оружие» в виде громадной тяжелой сабли из «чистого золота» с надписью на эфесе «За храбрость».

Деда я не видела никогда. Даже моя мама не знала, как он выглядит. На некоторых коллективных фотографиях, где была изображена бабушка, кто-то был тщательно вырезан из «карточки».

Но «золотое оружие» и «полковник» – это было священным преданием нашей семьи, не подлежащим сомнению. Все это стояло выше чего-то ужасного, что произошло в 1919-м году и заставило мою бабушку Веру навсегда покинуть деда Григория.

«Золотое оружие» – предмет необычайной гордости, это то, что не позволяло стереть семейную память о нем...

Офицер по первому разряду

Моя бабушка Вера Добрыня и дед Григорий Чигирик познакомились в Фастовском лазарете для раненых и больных воинов под Киевом.

Она – красавица и сестра милосердия хирургического отделения, из черниговских дворян с тысячелетней родословной.

Он – бравый офицер и георгиевский кавалер, из зажиточных черкасских казаков, ратными и земледельческими трудами выбившихся в сельскую интеллигенцию.

И это его, крестьянского сына, предпочла Вера Добрыня родовитому поклоннику, изображенному на фотографии 1916 года, и графскому титулу!

Мой дед Григорий Евменьевич Чигирик (1885–1948) родился в селе Боровица Киевской губернии (ныне – Черкасская область).

До Первой мировой войны окончил Киевский учительский институт и, по некоторым устным сведениям, учился в Санкт-Петербургском университете на физико-математическом факультете. Но в «Списке офицерам по старшинству» (Российский государственный военно-исторический архив – РГВИА), значится только одно гражданское высшее образование моего деда: Киевский учительский институт. Может быть, Григорий Евменьевич и учился какое-то время в Санкт-Петербурге, но не завершил учебу? Возможно, был там вольнослушателем в те годы, когда его отец и мой прадед Евмен Карпович Чигирик заседал в Таврическом дворце Санкт-Петербурга, будучи депутатом II Государственной Думы.

Когда началась Первая мировая война, ему было уже почти 29 лет, но он был холост, хотя крестьяне в те времена рано заводили семьи. Выходит, он много учился.

Известно, что с началом Первой мировой войны значительные потери в ходе первых боев летом и осенью 1914 года буквально обескровили российскую армию, оставив ее почти без офицерского корпуса.

Как пишет историк А. А. Курдюк в своей статье «Лейтенанты» Первой мировой» («Армия и общество», выпуск № 3/2008), эту проблему пришлось решать в течение всей, по терминологии тех лет, «Великой войны». Например, главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал от инфантерии М. В. Алексеев в докладной записке военному министру писал: «Государству надлежит принять самые

настойчивые меры к тому, чтобы... дать армии непрерывный поток новых офицеров. Уже в настоящее время некомплект офицеров в частях пехоты ... в среднем превышает 50%».

Срочно вводилось в действие положение об ускоренной подготовке офицеров в военно-учебных заведениях с четырехмесячным курсом.

Именно такую подготовку прошел Григорий Чигирик во 2-м киевском Николаевском военном училище, сформированном незадолго до Первой мировой войны. В «Списке офицерам по старшинству» значится: «Окончил ускоренный курс по 1-му разряду».

К первому разряду причислялись получившие на экзамене в среднем по всем учебным предметам 9 баллов, такой же средний балл в науках математических и военных, в остальных предметах – не менее 6 баллов, в знании строевой службы – 10 баллов и при поведении первого разряда.

Это означает, что мой дед окончил училище с отличием.

По данным «Списка офицерам по старшинству», Григорий Чигирик отправился в армию в первые же дни после того, как Австро-Венгрия объявила войну Сербии – уже 19 июля (2 августа по новому стилю) 1914 года. На тот момент он числится в армии, как «нижний чин» – рядовой. А в сентябре 1915-го Чигирик – уже прапорщик, через год – подпоручик и, наконец, в 1917 году – поручик.

Во втором Киевском военном училище юнкера носили белые погоны с алой выпушкой и алым трафаретным вензелем императора Николая II («НШ»). Преподавали в нем героические офицеры, которые вместе со своими выпускниками отправились прямо на фронт: капитан гвардии Эверт Николай Аполлонович (впоследствии награжден Георгиевским оружием, убит в бою в 1916 году); капитан гвардии Кононович-Горбацкий Всеволод Павлович (выпускник Николаевской академии Генерального штаба, участник Первой мировой войны и впоследствии красный офицер – преподаватель прославленных командных курсов «Выстрел»); штабс-капитан Булюбаш Николай Павлович (участник Первой мировой и Гражданской войн, впоследствии в парижской эмиграции стал известен как художник).

«Штыковым ударом опрокинул врага...»

Итак, если верить семейному преданию, в Первую мировую войну мой дед отличился настолько, что был награжден Георгиевским оружием с надписью «За храбрость». За какой подвиг?

Историк Е. П. Карнович писал, что в дореволюционной России «появление в обществе георгиевского кавалера очень часто обращает на него внимание присутствующих, чего не бывает в отношении кавалеров других орденов, хотя бы и звездоносцев», то есть награжденных орденами высших степеней.

В 1913 году появился новый статут ордена св. Георгия и относящееся к этому ордену золотое оружие получило новое официальное название – «Георгиевское оружие» и «Георгиевское оружие, украшенное бриллиантами». Маленький эмалевый крестик ордена Георгия стал помещаться на всех видах этого оружия, с той разницей, что на оружии с бриллиантами украшался драгоценными камнями и крестик. На генеральском оружии надпись «За храбрость» заменялась указанием на конкретный подвиг, за который пожалована награда.

В начавшейся в 1914 году мировой войне Георгиевское оружие стало одной из самых почетных наград. Так был ли мой дед ее обладателем? Вопрос принципиальный!

Убедиться в том, что дед был – георгиевский кавалер, оказалось несложно. Списки георгиевских кавалеров обнародованы давно и широко доступны в интернете.

Имя моего деда значится в Алфавитном списке кавалеров ордена св. Георгия и Георгиевского оружия, награжденных за отличия в период Первой мировой войны (1914-1918 гг.) со ссылкой на архив: «ЧИГИРИК Григорий Евменьевич, под-пор., 326-й пех. Белгорайский п., ГО–РГВИА, ПАФ от 04.03.1917. Ф.2935. Оп.1. Д.254. Л.59 об. (1917)».

Буквы «ГО» в списке означают «Георгиевское оружие». Факт доказан.

Но какой же подвиг он совершил? Понадобились время и помощь историков в Москве, чтобы получить необходимую информацию.

Согласно данным Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Г. Е. Чигирик был награжден Георгиевским оружием приказом по армии и флоту от 15-го февраля 1917 года (добавление к приказу по армии и флоту от 4-го марта 1917).

Известный историк, исследователь Первой мировой войны Валентин Юшко делает пояснение: «Дело в том, что в связи с Февральской революцией, т.н. высочайшие приказы выходили до 14-го февраля, а остальные, вплоть до 3-го марта, вышли позднее, задним числом, и их потом уже всех объединили, несмотря на старые даты, в добавление

к приказу от 4-го марта 1917 г. «Георгиевских» приказов, т.е. приказов с описаниями подвигов офицеров, награжденных орденами св. Георгия и Георгиевским оружием, таковых было 9 и уже отдельный (без добавок) приказ вышел только 9-го марта».

Кстати, это произошло уже после отречения императора Николая от престола. И есть основания полагать, что, несмотря на приказ, самого оружия мой дед так и не успел получить лично в руки.

А вот и описание подвига! С такой формулировкой (*стиль и орфография документа сохранены*): «...числящемуся по армейской пехоте, подпоручику, состоящему в 326-м пехотном Белгорайском полку... За то, что в бою 16-го июля 1916 года у с. Гринява, командуя, в чине прапорщика, 12-й ротой названного полка, когда противнику, после упорного боя, удалось прорвать наше расположение, получив приказание, перешел в решительную контратаку, несмотря на весьма трудные условия, под сильнейшим обстрелом неприятеля, подавая пример мужества и самоотвержения, бросился с винтовкой в руках вперед, увлекая за собой людей своей, а также и соседних рот, штыковым ударом опрокинул врага и принудил отступить, чем и восстановил прежнее положение».

Так что же это был за бой у села Гринява, когда деду пришлось идти в отчаянную штыковую атаку?

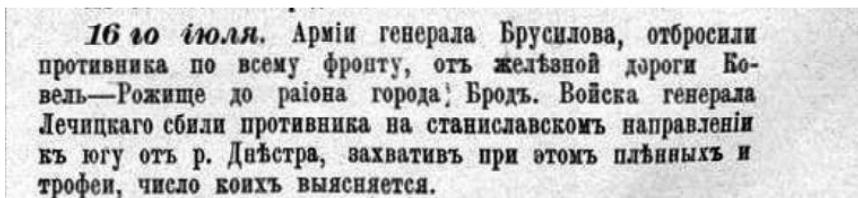
Бой у села Гринява

К 100-летию Первой мировой войны под редакцией члена Российской ассоциации историков Первой мировой войны, автора идеи и руководителя интернет-проекта «Герои Первой мировой» Константина Пахалюка вышел сборник под названием «Первая мировая. Взгляд из окопа», в котором были представлены дневники и воспоминания участников той войны. И среди них «Смелым Бог владеет»: наступление Юго-Западного фронта 1916 г. глазами нижнего чина Е. В. Тумиловича».

Как отмечает Константин Пахалюк, накануне Брусиловского прорыва 326-й пехотный Белгорайский полк (командир полковник Н. К. Чижевский) входил в состав 82-й пехотной дивизии (начальник – генерал М. Н. Пронтов). Она, в свою очередь, располагалась на левом фланге 9-й русской армии прославленного генерала П. А. Лечицкого, одного из лучших командармов Первой мировой.

Летом 1916 года русская армия планировала вместе с союзниками крупное наступление.

На совещании в Ставке 14 апреля был выработан общий план операций. Предполагалось, что Юго-Западный фронт (генерал А. А. Брусилов) окажет содействие основному фронту вспомогательным ударом. При этом генералы А. Е. Эверт и А. Н. Куропаткин сомневались в успехе предстоящего наступления, выступая за активную оборону. Однако генерал А. А. Брусилов заявил, что Юго-Западный фронт может и должен активно наступать.

16 го июля. Армія генерала Брусилова, отбросила противника по всему фронту, отъ желѣзной дороги Бовель—Рожиче до района города Бродь. Войска генерала Лечицкаго сбили противника на станиславскомъ направленіи къ югу отъ р. Днѣстра, захвативъ при этомъ плѣнныхъ и трофеи, число коихъ выясняется.

Из хроники еженедельника «Разведчик» № 1342 от 26 июля 1916 года

У села Гринява (ныне оно административно относится к Верховинскому району Ивано-Франковской области Украины), в горной местности против Белгорайского полка надвигалась 20-я Брауншвейгская пехотная дивизия.

О противнике стоит сказать особо. Пишут, что еще в начале войны, в ходе боев на Западном фронте, она была окружена французами в Вогезах. Французы предложили окруженным немцам сдаться, но те предпочли умереть, но не покориться. Яростной штыковой атакой брауншвейгцы пробились из окружения. За этот подвиг дивизия получила наименование «Стальной» и право ношения на фуражках и касках черепа («Адамовой головы»), каковой привилегией до того пользовались только «гусары смерти».

Впрочем, историк Константин Пахалюк отмечает, что непосредственно в Карпатах против 326-го полка из германских частей бои вел 23-й пехотный полк. (См.: РГВИА. Ф.2935. Он. 1.Д. 156.Л.28.) , а «Стальную» дивизию следует отнести к распространенным «фронтным мифам». Однако это ничуть не преуменьшает силы противника.

Вот как вспоминает этот день – 16 июля 1916 года однополчанин моего деда Е. В. Тумилович в своих мемуарах «Смелым Бог владеет»:

«Беспечный русский народ не беспокоился построить надежные укрепления, и вот теперь, когда немцы с целью разгрома нашей линии обороны открыли жестокий артиллерийский огонь, солдаты сидели в мелких, не прикрытых сверху окопах, согнувшись в три погибели, чтобы не торчали поверх окопов головы.

Ясно, что при таких условиях сразу же обнаружались большие потери. Прижатая огнем к земле, в духовном ощущении эта человеческая масса безмолвно ютилась в своих примитивных могилах, и каждый ждал своей очереди, а над ним бушевала огненная буря, осыпая сверху землей, камнями и рваным железом.

Первая мировая война. Юго-Западный фронт российской армии

(...) К полудню немецкая артиллерия усилила свой огонь до максимально возможных пределов. В это время пехота противника поднялась из укрытий и несколькими густыми цепями двинулась в направлении занятых нашими войсками высот. Прижатым к земле защитникам наших позиций не было видно, что делается перед ними в долине оврага, но у команды разведки всё это происходило на глазах, она ясно представляла себе свое бессилие перед огромной массой атакующего врага. Шрапнельный огонь русской артиллерии на

сравнительно близком расстоянии опрокидывал на землю целые звенья вражеских цепей, но они всё шли и шли, упорно и твердо.

Когда немцы достигли склона занятых нами высот, артиллерия наша уже не могла стрелять и прекратила огонь. Немцы широко растянулись по склону горы.

(...) Передняя немецкая цепь была уже в 100 метрах от линии русских укреплений, где царило гробовое и жуткое молчание. Эта мертвая тишина была, казалось, страшнее грома. Наконец артиллерия противника внезапно замолкла, и на несколько мгновений воцарилась полная тишина. Потом склоны горы огласили нестройные невнятные крики – Стальная дивизия бросилась в атаку. Но наверху по-прежнему царил тишина. У бедных разведчиков от этого молчания заходил мороз по коже. Но бежать вверх по довольно крутому подъему не так легко и просто, что немцы, вероятно, не учли, и в самую решительную минуту в непосредственной близости от цели большинство пошло на четвереньках. И вот в этот миг среди их рядов засверкали огненными брызгами взрывы русских гранат. Грохот их слился в один протяжный гром, потрясший воздух и землю. В ход были пущены не только ручные гранаты, в дополнение к ним по склону сбрасывали тяжелые полупудовые круглые бомбы, своими мощными взрывами в массе атакующих они вносили расстройство и сеяли панику.

И вот в этот-то момент изрытая, изуродованная массированным огнем серая линия русской обороны зашевелилась, поднялась, вырастая, сверкая сталью штыков и потрясая воздух взрывом «Ура!», ринулась вниз на врага.

Таким же ожесточенным «Ура!» и дружными залпами ответила команда разведки, оказавшаяся в тылу врага. Что-то неожиданное и непонятное произошло в первый миг на склоне горы: защитные гимнастерки перемешались с мышинными мундирами, красными петлицами и околышами. Потом всё ринулось вниз по косогору, оставляя позади себя беспорядочно разбросанные по склону серые бесформенные массы трупов.

Так гнал перед собой четвертый батальон 326-го пехотного Белгородского полка части германской Стальной дивизии, в несколько раз превышающие его численностью» («Первая мировая. Взгляд из окопа», М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 108–109).

Теперь мы знаем: вот это «что-то неожиданное» и совершил мой дед — Чигирик Григорий Евменьевич, внезапно и отчаянно поднявшись из окопа в рукопашный бой!

Юго-западный фронт.

16-го июля. На Стоходѣ наши части продолжали закрепляться на лѣвомъ берегу рѣки.

На ковельскомъ направленіи къ югу отъ желѣзной дороги Рожиче — Ковель наши части прорвали фронтъ противника. Захвачено въ плѣнъ 19 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ, и взято 4 пулемета.

Рота одного изъ стрѣлковыхъ полковъ, прорвавшись въ тылъ противника, прошла черезъ батарею, отразила атаку германской конницы, взяла въ плѣнъ командира полка и благополучно вернулась.

При наступленіи въ районѣ къ югу отъ дер. Пустомыты взято въ плѣнъ болѣе 100 германцевъ.

На бродскомъ направленіи, а также въ районѣ къ югу отъ р. Двѣстра наши войска продолжали продвигаться, преслѣдуя противника.

17-го июля. На рѣкѣ Стоходѣ наши части продолжали съ боемъ продвигаться впередъ. Въ одной изъ явлучинъ рѣки при нашемъ наступленіи, въ числѣ прочихъ плѣнныхъ, захваченъ весь 31 гонимый полкъ во главѣ съ командиромъ полка и всѣмъ штабомъ. Въ другихъ мѣстахъ на Стоходѣ взято въ плѣнъ 21 офицеръ, 314 нижнихъ чиновъ и захвачено 4 пулемета.

На ковельскомъ направленіи продолжались упорные бои.

На бродскомъ направленіи наша войска, преслѣдуя противника, достигли рѣкъ Граберки и Серета.

18-го июля. На Стоходѣ, въ районѣ деревень Селець, Велицкѣ и Кухары, наши войска отбросили противника и съ боемъ продвинулась къ западу отъ этой линіи.

Въ районѣ дд. Стобыхва и Смоляры германская пѣхота стремительно атаковала наши части на западномъ берегу Стохода, но была отбрана съ большими потерями.

На ковельскомъ и дубкомъ направленіяхъ всѣ контръ-атаки противника нами отбиты.

Хроника событий этихъ дней изъ еженедельника «Разведчикъ»

№ 1343 отъ 2 августа 1916 года.

Расколъ офицерства

2 (15) марта 1917 года в утреннемъ выпуске официального советскаго органа «Извѣстія Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ», былъ опубликованъ приказъ №1, адресованный столичному

гарнизону, всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и матросам флота для немедленного исполнения.

Приказом предписывалось немедленно создать выборные комитеты из представителей нижних чинов во всех воинских частях, подразделениях и службах, а также на кораблях. Главным в приказе № 1 был третий пункт, согласно которому во всех политических выступлениях воинские части подчинялись теперь не офицерам, а своим выборным солдатским комитетам и Петроградскому совету. В приказе предусматривалось также, что всё оружие передается в распоряжение и под контроль солдатских комитетов. Приказом вводилось равенство прав «нижних чинов» с остальными гражданами в политической, общегражданской и частной жизни, отменялось титулование офицеров. В условиях военного времени это был удар по российскому офицерству, а по сути – по дисциплине и порядку в армии.

«В первые весенние дни 1917 года толпы русских солдат вышли из своих окопов... У колючей проволоки их ждал бесчестный враг с проклятиями и водкой. Германские офицеры, братаясь и спаивая русских солдат, призывали их убивать русских офицеров, бросать окопы, идти домой. И одурманенные люди, возвращаясь в землянки, с тупой злобой начинали смотреть на своих офицеров», – так описывает происходящее в армии после Февральской революции 1917 года военный историк Антон Керсновский, автор уникального труда – «История Русской армии» в четырех томах.

Современный российский историк Игорь Гребенкин подробно рассмотрел эту проблему – раскол русского офицерства в 1917 году: «В условиях, когда солдатская масса и большинство командного состава выступали в роли политических противников, тем более сложным оказалось положение офицеров. Как вспоминал один из участников этих событий, многие из офицеров не могли забыть услышанной в 1917 году «...крылатой фразы... на разлагающемся тогда фронте мировой войны от свалившихся откуда-то многочисленных агитаторов: «Товарищи! Россия – только трамплин для скачка в мировую революцию! Если бы во имя этой идеи мы оставили от России только пепел, пустыню – мы это сделаем! Бросайте оружие! Не смейте слушаться ваших офицеров и стрелять в немецкий пролетариат, одетый в солдатские шинели. Офицерство ведёт вас на братоубийственную войну, желая получить только двойное жалованье и награды!»».

«Это мы-то предатели, просидевшие столько времени в ржавых окопах, защищающие от врага своё Отечество и думающие лишь об одном – как бы поскорее вернуться в оставленные аудитории, закончить прерванное образование и начать служить нашему народу», – с горечью констатировал очевидец.

«К середине 1918 года российское офицерство окончательно прекратило своё существование как единое сообщество, – констатирует историк Игорь Гребенкин. – Разделённое фронтами Гражданской войны физически, оно оказалось не менее социально, морально и идейно разобщённым представлениями об Отечестве и его будущем, гражданском и профессиональном долге, допустимости своего участия в братоубийственной войне» (Гребенкин И. Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции: 1914–1918 гг. Рязань: Ряз. гос. ун-т, 2010. С. 274).

Как известно, революция и Гражданская война 1917–1922 годов привели к расколу офицеров русской армии, в основном, на три лагеря – красный, белый и национальный.

События на Украине в эти годы отличались особенной сложностью и противоречивостью.

Как складывалась офицерская биография моего деда после Февральской революции 1917 года?

Офицеров, обвиненных в «приверженности к старому режиму», разъяренные солдаты подвергали оскорблениям, избиениям и даже мучительной смерти. Жизнь человеческая ничего не стоила. Как писал Константин Оберучев: «Ещё несколько дней тому назад я был в полку, в котором солдаты убили прекрасного офицера за одно неосторожно сказанное слово, убили предательски сзади и надругались над его трупом.

Мне резко пришлось отозваться об этих не найденных убийцах, вероятно, в их присутствии. Я сказал им.

– Вы убили офицера, гнусно и подло убили. Мы не будем искать теперь убийц, и они уйдут от суда. Но я уверен, что пройдет немного времени, и убийцы сами явятся к властям и скажут: «Это мы убили поручика. Судите нас. Нам тяжело, мы не можем жить так дальше». И чуткая народная душа поняла здесь правду жизни, и ни звука протеста не раздалось по поводу этих слов («В дни революции: воспоминания участника великой русской революции 1917-го года». Нью-Йорк. 1919)».

Как помнят черкасские родственники, и моего деда готовы были растерзать радикально настроенные солдаты. Но подчиненные, хорошо знавшие его как справедливого и храброго офицера, встали вокруг него кольцом: «А ну, не трожь нашего командира!». И защитили. Однако понятно, что после этого случая вряд ли Григорий Чигирик с воодушевлением воспринимал радикальную агитацию большевиков. Но его не оказалось и среди белой гвардии.

Где же искать мне его следы? Вероятно, какие-то сведения есть в архивах, касающихся армии УНР – Украинской народной республики? Поиск документов (если они вообще есть) требует дальнейших усилий и немалого времени. Пока же есть смысл предпринять попытку восстановления его судьбы по косвенным данным.

Дорогами Петлюры

Итак, по «Списку офицерам по старшинству», в середине января 1917 года Григорий Чигирик был командирован в 666-й Коссовский полк. В это время в империи была объявлена четвертая волна мобилизации на фронт.

К концу войны во многих пехотных полках имелось всего по 1–2 кадровых офицера, в других в лучшем случае ими было обеспечено батальонное звено, в среднем приходилось по 2–4 кадровых офицера на полк. Ротами (а во множестве случаев и батальонами) повсеместно командовали офицеры военного времени, многие из которых стали поручиками и штабс-капитанами, а некоторые даже и капитанами. За время войны пехотные полки переменили от 3 до 5 офицерских составов.

В справочной информации именно январь 1917 года значится как время формирования 666-го Коссовского полка в ходе четвертой волны мобилизации. Надо полагать, что Григорий был откомандирован для участия в комплектовании полка из новобранцев. Указывается, что полк вошел в состав 167-й пехотной дивизии, а та в свою очередь – в 23-й армейский корпус (если верить сведениям, указанным военным историком Керсновским).

6 апреля 1917 года Григорий Евменьевич Чигирик окончательно переведен на службу в 666-й Коссовский полк. Скорее всего, это дата

отправки сформированного полка на фронт. Как пишут на военно-исторических форумах, в РГВИА, по причине революционной неразберихи, практически отсутствует информация о формировании полка, боевых операциях, командирах, как, впрочем, и о других полках четвертой очереди мобилизации.

Можно ли попытаться проследить судьбу моего деда, отслеживая деятельность его старших командиров? Нетрудно заметить, что с апреля 1917 года командующим 23-м армейским корпусом назначается генерал-лейтенант Михаил Николаевич Промтов (1857–1950). Промтов был отстранен от должностей по приказу Симона Петлюры – председателя Украинского генерального войскового комитета. И с сентября 1917 года корпус возглавил генерал-майор Василий Фаддеевич Кирей.

Наступили времена, когда разгром и разложение львиной доли императорских войск был полнейшим. «Знаменитое июньское наступление на фронте, возвещенное заранее, как несомненная победа «свободной революционной армии», началось успешно. Но при первых контратаках противника наступление превратилось в небывалое поражение. Потеряв всякий человеческий облик, громя на своем пути ни в чем не повинное население, бросая артиллерию, обозы, снаряды, выкидывая раненых из санитарных поездов, обезумевшие армии Юго-Западного фронта бежали» («Кавалеристы в мемуарах современников. 1900-1920», М., 2001, вып. 2, с. 109). А на фронте обстановка только ухудшалась, причём дисциплина после провала наступления падала с каждым днем. Так, 27 июля из 23-го армейского корпуса (а мы помним, что в составе этого корпуса был Коссовский полк) сообщали: «Настрое-ние солдат и офицеров подавленное, нервное под впечатлением отхода и неудач. Дисциплина слабеет... призыв к порядку вызывает враждебное отношение... дезертирство усилилось... грабежи и насилия над жителями не прекращаются».

Летом и осенью 1917 года Центральная Рада провозгласила два «универсала», которыми объявлялись автономия Украины, её право принимать законы и устанавливать налоги, создание украинской национальной армии.

Еще в мае по докладу Петлюры Первый Всеукраинский военный съезд принял резолюцию «Об украинизации армии». В ней, в частности, содержалось требование о том, что «в существующих подразделениях

тыловых частей все военнослужащие-украинцы, как офицеры, так и солдаты, должны быть немедленно выделены в отдельные части...».

Была составлена резолюция съезда – «потребовать от Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов немедленного объявления особым актом национально-территориальной автономии Украины».

Дальше в доступных мне источниках я сведений ни о 23-м армейском корпусе, ни о 167-й дивизии в его составе, ни о 666-м Коссовском полке не нахожу. Из биографии генерал-майора Василия Кирея следует, что он встал во главе украинизированного 34-го армейского корпуса, ставшего частью армии Украинской народной республики (УНР).

Скорее всего, и полк моего деда был переформатирован и украинизирован и в декабре 1917 года отправлен в Киев в распоряжение генерального воинского секретаря Симона Петлюры. Зимой 1918 года Василий Кирей – помощник командира Гайдамацкого Коша Слободской Украины Симона Петлюры.

У меня есть немало оснований полагать, что при таком развитии событий штабс-капитан Чигирик выбрал сторону родную – украинскую, ведь дух у него был казацкий – украинский!

Шествие 1-го Украинского полка (1918)

Григорий стал служить в армии УНР, а затем стал «полковником» во время правления петлюровской Директории. Потому что опытных украинских офицеров и в «первой», и во «второй УНР» крайне не хватало. Именно с этим званием «полковник» он и вошел в легендарные семейные предания моей мамы. Хотя в списках офицеров армии УНР, опубликованных недавно, его имя не значится. Впрочем, эти списки далеко не полные.

«В начале существования Действующей армии УНР, вопрос рангов стоял очень остро, ведь должности, соответствовали генеральским рангам, занимали бывшие прапорщики, лейтенанты и фенрихи австро-венгерской армии и даже – простые казаки. Новая проблема возникла, когда после изменения служебного положения немалое количество «атаманов» и «полковников» – бывших прапорщиков российской и фенрихов австро-венгерской армии, создавая дисциплинарную путаницу, упорно продолжали именовать себя «атаманами» и «полковниками».

Чтобы решить проблему, в июле 1919 года была создана комиссия по разработке правил и сроков прохождения военной службы старшинами и казаками, а также по введению персональных воинских рангов. Но, к сожалению, из-за военно-политических изменений эта комиссия так и не закончила своей работы – вопрос с персональными рангами и рангами по должностям остался открытым» (Я. Ю. Тинченко, Офіцерський корпус Армії УНР (1917–1921) кн. 2, Темпора, Киев).

Знаковое имя в украинской истории того времени – Симон Петлюра (1879–1926), глава Украинского генерального войскового комитета (УГВК). Очень много фактов, включая семейные рассказы, указывает на то, что дороги моего деда привели его в ряды сторонников Петлюры. Это и понятно, воинский секретарь УНР был в то время единственным, кто добивался восстановления дисциплины в войсках и пытался создать боеспособную украинскую армию, а также придерживался вполне социалистических взглядов на революцию и собственность на землю. Думаю, это должно было быть по нраву такому человеку, как мой дед, который сочетал в себе качества опытного боевого офицера и представителя украинского крестьянства. Очень многие офицеры царской армии-украинцы из крестьян вливались в ряды армии УНР, категорически не воспринимая консервативную позицию гетмана Скоропадского, который выступал за возвращение помещичьих земель их прежним владельцам.

«Землю – крестьянам, украинскому народу – свободу», – этот лозунг звучал для моего деда, словно гимн.

Что интересно, одним из ближайших соратников Петлюры был прапорщик Яков Щириця (1887–1929) – односельчанин и ровесник моего деда, можно сказать, друг детства. Он также отличился в Первую мировую войну. А затем стал активным участником украинизации армейских частей – Яков Щириця возглавил Белоярский курень Холодноярской бригады армии УНР. Вскоре именно он стал одним из легендарных атаманов Холодного яра (самопровозглашенной республики, к территории влияния которой принадлежало и родовое гнездо моего деда – село Боровица) и взял себе прозвище в честь персонажа украинского фольклора – казака Мамай. Под этим прозвищем он вошел в историю Холодного яра, сопротивлявшегося большевикам, вплоть до 1921 года.

А его двоюродный брат – Ефим Щириця (1890–1919) – педагог и общественный деятель, в правительстве Директории занимал пост заведующего отделом образования (приравнивался к министру).

Эти два старинных казацких рода из села Боровица Щириця и Чигирик пересекались родственными узами. Говорят, родная сестра моего деда Агафия была замужем за двоюродным братом Якова и Ефима – Иваном Щирицей.

С июня 1918 года генерал-хорунжий армии УНР Александр Осецкий (бывший генерал-майор царской армии) возглавил корпус железнодорожной охраны, находившийся в стадии формирования. В этом качестве сформировал резервный полк, включив в него оппозиционно настроенных по отношению к гетману Скоропадскому людей, а также небольшие отряды на всех узловых станциях, самые стратегически важные из них – Фастов и Белая Церковь.

А мы знаем, что бабушка Вера служила сестрой милосердия в Фастовском лазарете для раненых и больных воинов. В Белой Церкви в 1919 году родилась моя мама.

Логическая цепочка ведет меня к выводу, что мой дед Григорий Чигирик служил в так называемых петлюровских войсках во времена Директории и в районе Фастов – Белая Церковь и, нет сомнений, что он участвовал в восстании против гетмана Скоропадского, который, по выражению автора романа «Холодный яр» – Юрия Горлис-Горского, «спаскудил звание гетмана».

Украинская армия не простила Скоропадскому то, что он встал на защиту помещичьей собственности на землю, а также развернувшегося при гетмане террора карательных и реквизиционных отрядов австро-немецких интервентов.

«Просто растает снег...»

1919 год. Белая Церковь. По опустевшей улице Бердичевской отчаянно мечется невысокий чернявый человек. Он бежит в поисках укрытия. Обыватели заперли двери и ворота на все замки. Бабушка Вера намеревается закрыть ставни и вдруг видит в окно, как человек спотыкается и падает на тротуар прямо у крыльца ее дома. Она открывает дверь и тихо произносит: «Сюда...». Мгновение и беглец в дальней комнате, где на кровати спит младенец – моя мама.

– Заползайте под кровать!

А в дверь уже колотят сапогами и кулаками. Вера Яковлевна спокойно поворачивает ключ в замке. На пороге – разгоряченные погоней офицер с солдатами. Осанка выпускницы Института благородных

девиц идеально прямая, голова гордо поднята, взгляд открытый и недоуменно-возмущенный:

– В чем дело, господа? – ее голос даже не дрогнул (мадмуазель запомнила навсегда, что «демонстрировать свои эмоции – не комильфо»).

– Нам показалось, что у вас в доме посторонние...

– Соблюдайте тишину, господа. В доме спит ребенок. Я – жена георгиевского кавалера, полковника Григория Евменьевича Чигирика...

– Простите, мадам, – офицер берет под козырек и вместе с солдатами уходит.

Можно только представлять, что было бы, если бы они вздумали осмотреть дом и обнаружили под кроватью, где спала малышка, еврейского парня, за которым гнались!

Летом-осенью 1919 в Украине действовало сразу несколько противоборствующих сил: петлюровцы, Добровольческая армия Деникина, Красная армия, крестьянские повстанцы, анархисты во главе с Махно.

Рассказы моей бабушки и мамы подтверждаются историческими свидетельствами. «23-го июля (1919 года – *Е.З.*) утром после неудачного боя у деревни Шамраевки большевики оставили Белую Церковь и отступили на Фастов, а в город вошли петлюровские части. Вечером того же дня они начали расправляться со всеми, кто только имел несчастье попасться им под руку. На следующий день вошли в город «зеленовцы». Они были в контакте с петлюровцами. В течение трех суток они не переставали резать и громить еврейское население. Между тем на город напали большевики. Они ворвались небольшою группою, перебили прислугу у двух орудий петлюровской батареи, находившейся на площади, и затем рассыпались по городу. Петлюровцы вступили с ними в борьбу, и, когда большевики частью были переловлены, частью бежали, петлюровцы уже самостоятельно начали грабеж и резню еврейского населения». (С. И. Гусев-Оренбургский, «Багровая книга. Погромы 1919–20 гг. на Украине». (Изд-во «Ладога», Нью-Йорк, 1983).

Директория открещивалась от погромов и всячески осуждала. Однако Петлюре не удалось наладить работу госаппарата и дисциплинировать армию.

Любовь и разлука

Вера Добрыня (1920-е гг).

мне рассказала мама. Она же сказала, что бабушка Вера вскоре ушла от мужа. Ушла – в чем была, в одном платье. Навсегда!

Я спрашивала:

– Если бабушка так гордилась Григорием, уважала его как героя, тогда почему она ушла от него? Почему?

Мама отвечала, что на фоне погромов в доме стали появляться ящики с добром из разграбленных лавок. Например, коробки с французскими... чулками. Это было мародерство. Но кто же не тащил в то время все, что плохо лежит?

После революции и Гражданской войны поручик Сергей Мамонтов написал книгу воспоминаний «Походы и кони», в которой он рассказал, как дал Богу обещание – не стрелять в безоружных и не грабить. Но все вокруг: и солдаты, и офицеры грабили! И однажды поручик Мамонтов, которого одолели насмешки товарищей и которому не хотелось

*Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?*

*Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица
Локоны, в виде спирали.*

*Темный, прямой и взыскательный
взгляд.*

*Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?*

(Марина Цветаева)

О том, что бабушка Вера героически спасла человека, убежавшего от погромщиков, сославшись на авторитет своего мужа – «полковника»,

выглядеть «белой вороной», пошел на грабеж. В каком-то доме он взял из сундука новый полушалок. Вещь эта ему была совершенно не нужна, барышни, за которыми он ухаживал, полушалков не носили, от кражи осталось чувство тоскливого стыда...

И в этом бесчестии порядочного в общем-то человека – вся атмосфера того времени. Война, вконец обесценившая человеческую жизнь, создала культ силы, распространила беззаконие и повсеместную практику насилия.

У Директории не было ни финансовых, ни материальных возможностей содержать армию. Ситуация в украинском войске была крайне тяжелая, не хватало снаряжения и одежды. В семьях есть было нечего. И одним из последствий этого стала Атаманщина, поскольку «под командованием отчаянных атаманов можно было пожить за счет безнаказанных реквизиций. Именно с атаманщиной связана трагическая страница – еврейские погромы, которые в исторической памяти мировой общественности прочно ассоциируются с именем С. Петлюры» (О. С. Рубльов, О. П. Реєнт. Українські визвольні змагання 1917–1921 рр., Видавничі Дім «Альтернативи, Київ, 1999, с. 174).

В армии УНР воевали и выдающийся украинский поэт Владимир Сосюра, и выдающийся кинорежиссер Александр Довженко. Сосюра, пожалуй, один из немногих, кто отважился описать этот опыт в своей повести «Третья рота». Поэт пишет, что он не принимал непосредственного участия в погромах, однако из текста следует, что он все-таки был в гуще событий – вместе с другими врвался в дома, был, как минимум, свидетелем эпизодов чудовищных расправ над невинными людьми и зверских убийств женщин, стариков и детей, включая младенцев.

... «А зачем оно было? Никто не скажет. Заплатит ли кто-нибудь за кровь? Нет. Никто.

Просто растает снег, взойдет зеленая украинская трава, заплетет землю... выйдут пышные всходы... задрожит зной над полями, и крови не останется и следов. Дешева кровь на червонных полях, и никто выкупать ее не будет. Никто». (М. Булгаков «Белая гвардия»).

Я пытаюсь представить себе дедушку и бабушку молодыми. Уверенный в себе, горячий, из тех, кого пуля не берет, – дед Григорий. Отважная, романтичная с высокими моральными императивами – бабушка Вера. Два сильных человека. Революция исковеркает их жизнь,

Вера Добрыня, 20-е годы XX века

а ненависть братоубийственной войны разрушит любовь.

Иной раз кажется, что всем происходящим управляют некие высшие силы, которые выстраивают случайности и поступки отдельных людей в события, способные перевернуть и огромный мир, и маленькую человеческую судьбу.

С тех пор и бабушка с дедушкой больше ни разу не встретились. Бабушка Вера не простила деда Григория.

Пройдет почти сто лет, когда я, его внучка, памятью своей примирю их. Но этот сюжет уже для другой части этой книги.

В истории есть и светлые, и трагические страницы. Зачем я вспоминаю эту семейную драму? Потому, что я хочу, чтобы моя память была честной. И потому что я убеждена: в гражданских войнах победителей не бывает. В ней все – жертвы.

Леонид, «пропавший в Пинских болотах»...

Корсаков С. А. Отъезд раненых, открытка времен Первой мировой войны

Со времен Первой мировой войны сохранился такой анекдот. Пытаясь переждать артиллерийский обстрел, солдат прыгает в воронку от снаряда и удивлённо спрашивает другого служивого, который незадолго до него уже оказался там, на сыром земляном дне:

— Ты откуда?

— Я вятский.

— Дык и я тоже вятский. Надо же: война мировая, а воюют одни вятские!

И по отцовской линии в моем роду был участник Первой мировой войны.

Папин род происходит из Вятки. И мой папа Леонид Петрович Зеленин рассказывал, что в семье его отца и матери родилось десять детей, из которых выжили только шестеро. Обычная история столетней давности. Вне зависимости от социального статуса, дети нередко умирали во младенчестве, как правило, от различных детских инфекционных